Беседа первая

Каждый из вас, если зайдет в какой-нибудь из христианских православных храмов во время литургии, может отметить, что в какой-то момент службы хор перестает петь и поют все люди. Эта древняя традиция была возрождена сравнительно недавно, в первые годы революции, по инициативе патриарха Тихона. Инициатива эта была не случайной: поется Никео-Царьградский Символ веры — по мысли святителя, он должен был остаться в памяти людей на тот случай, если они будут лишены всего, даже писаного текста. А сам этот Символ для христианской Церкви исключительно важен; каждый христианин должен знать его наизусть и понимать его смысл. Поэтому для тех людей, которые готовятся к принятию таинства крещения, для тех людей, которые были крещены в детстве, но не были воцерковлены, для тех людей, которые хотят познакомиться с основами христианской веры, для тех людей, которые хотят знать основы мировой европейской и русской культуры, заключенные в христианстве, знание главных пунктов и сущности Никео-Царьградского Символа необходимо. Для историков, литературоведов, искусствоведов, писателей, поэтов, людей самых различных творческих специальностей, работающих в разных областях гуманитарного знания, также необходимо знание этого фундаментального Символа. Поэтому, кратко излагая вам его смысл, я буду ориентироваться на всех людей: и на готовящихся к крещению, и на тех, кто был крещен, и на тех, кто хочет посмотреть на это просто глазами культурного человека. Мы ничего не навязываем — Церкви чужда идея агитации, — мы просто свидетельствуем.

Во-первых, что такое Никео-Царьградский Символ веры в буквальном смысле этого слова? Никея — старинный город в Малой Азии, где в 325 г. при императоре Константине Великом был собран всеимперский съезд епископов христианской Церкви для решения важнейших духовных и организационных проблем. Он назывался Вселенским Собором — первым по счету. Вселенная, *ойкумена*, в то время была синонимом Римской империи. Собор — это старое церковно-славянское слово, которое обозначает собрание людей, собрание представителей Церкви. И вот на этом I Вселенском Соборе в 325 г., то есть через несколько лет после того, как император Константин Великий провозгласил в своей империи свободу вероисповедания, было зафиксировано краткое исповедание веры, которое человек, вступающий в Церковь, должен был произносить при крещении, в процессе того обряда, который крещению предшествует. Обряд этот мы называем *оглашением*, когда человек, получивший наставления в основах веры, свидетельствует не только о своем желании, но и о своем сознательном стремлении вступить на путь, к которому призывает Христос. Дополнения к Символу веры были сделаны спустя полвека, в 381г., на II Вселенском Соборе в Константинополе. В Древней Руси этот город называли Царьградом, и потому это исповедание веры стало кратко называться Никео-Царьградским символом.

Почему символ? Символ — очень емкое и полисемантичное слово. Символ есть знак, обозначающий некую стоящую за ним реальность (на этом было построено целое литературно-философское течение — символизм). В конце концов, и наш язык, и наше искусство, и очень многое из того, что пронизывает человеческую цивилизацию и духовную культуру, невозможно себе представить без символов. Перечислять я не буду, но обращу ваше внимание только на одно. Не говоря о знаках, эмблемах, всевозможных условных обозначениях, возьмем только слово. Слово — это удивительная вещь. Это сигнал, который одна душа передает другой душе. Сигналы, которые подают друг другу животные, — это простые сигналы: опасность, призыв, предупреждение, констатация факта, что, скажем, место занято — здесь мое гнездо. Таковы сигналы (или мы можем сказать «символы», но — в кавычках) в мире животных. Человеческие символы — иные. Они являются таинственными связями между отдельными островами-душами. Потому что каждая душа живет в особом мире. И недаром Тютчев говорил: «Мысль изреченная есть ложь». Легко себе представить, насколько трудно передать подлинные глубинные переживания. Переживания тайны мира, переживания любви, переживания полноты жизни или отчаяния совсем не укладываются в слова. Но я прошу вас обратить внимание на одну замечательную вещь. Когда Федор Иванович

Тютчев сказал: «Мысль изреченная есть ложь», — он ведь эту мысль все-таки изрек, и в прекрасной поэтической форме.

Как бы ни был несовершенен наш язык, как бы мало он ни был способен охватить таинственные пласты бытия, он все-таки нам нужен. Вот элементарный пример. Когда человек говорит, что он любит другого человека, каждый из нас вкладывает в эти древнейшие слова нечто свое, неповторимое, и все-таки он говорит те же слова, что говорили его отцы, деды, далекие пращуры. Оказывается, эти слова продолжают работать тогда, когда за ними стоит определенная душевная и духовная реальность.

Итак, любое слово — это символ. Но символы особенно важны для нас там, где мы соприкасаемся с реальностью невыразимого, с реальностью того, что выходит за пределы легкопередаваемых событий и фактов. Музыка существует для того, чтобы по-своему передать эти переживания. Поэзия — тоже. Но заметьте, что подлинная поэзия, когда она говорит о высочайшем, о таинственном, о духовном, о божественном, только тогда достигает своей цели, когда говорит косвенно, намеком. Те, кто более или менее знакомы с поэзией, вероятно, согласятся со мной, что когда поэт, даже крупный, пытается в лоб говорить о вещах, превосходящих наш обычный уровень, его покидают силы. Всегда вспоминаются заключительные строки «Божественной комедии» Данте. Когда он, описывая все мироздание, приближается к тайне вечного двигателя мира, Первопричины мира, Творца, он пытается охватить, осознать это и говорит, что здесь изнемог взлет его духа. Он уже ничего не мог сделать. Поэтому наиболее адекватна здесь символическая духовная поэзия, которая говорит с нами намеком, которая сигнализирует от души к душе лишь слегка, чтобы тот, кто может понять, понял, кто не понял — мимо.

Кстати, так же построена и иконопись. Она вовсе не претендует на адекватное изображение какой-то вещественной реальности. Это сумма символов. Вспомните новгородскую икону Илии-пророка в Третьяковской галерее с ее кроваво-красным фоном: этот напряженный цвет — символ бури, грозы, того внутреннего огня, который сжигает пророка. Вспомните мягкие, плавные линии «Троицы» преп. Андрея Рублева, таинственный круг, который можно прочертить, глядя на эти три фигуры. Это символы. Иконописец отнюдь не притязает на то, чтобы изобразить неизобразимое, изобразить Бога; это было запрещено в Библии, потому что Божественная Вечность абсолютно превосходит все земное. И вот истинный художник дает нам символ. Что изображено на иконе Рублева? Воплощенная любовь. Трое, ведущие молчаливую беседу. Между ними — эти узы, это поле любви. Они похожи друг на друга и в то же время они разные; они одно и одновременно отличаются. Их связывает тайна любви — любви отдающей. Стол с жертвенным животным обозначает жертву Вечности, которую Бог приносит для того, чтобы приблизить мир к Себе и спасти его.

Впоследствии, в эпоху упадка духовного и художественного вкуса, стали изображать так называемую новозаветную Троицу, где одно лицо Божества изображалось в виде старика, другое в виде Иисуса Христа (каким Он был воплощен) и третье — в виде голубя. Это уже не символическое изображение. Это крайне неудачная попытка реалистического изображения.

Духовная литература, древняя священная мудрость Библии, догматы Церкви построены на принципах символизма. Они являются знаками, передающими людям Высшую реальность, которая открылась им во всей своей парадоксальности. Иногда спрашивают, почему Бог Один — и в трех лицах. Не проще ли было сказать, что Он просто Один? Наверное, рассуждая логически, это было бы так. Но духовный опыт христианства был иным, и пришлось жертвовать рассудочной логикой и создать догмат антиномичный, парадоксальный или диалектический, как бы это ни называть. Так же в отношении догмата о Христе. Кто Он? Человек? Да, отвечает Церковь, подлинный Человек. Значит Он — не Бог? Нет, говорит Церковь, Он — подлинный Бог, истинный Бог. Парадокс, противоречие? Проще было бы убрать одно из утверждений, чтобы все сошлось логически? Но нет. На самом деле Высшая реальность открылась как сверхлогическая тайна. И ничего не оставалось делать, как принять ее в парадоксальном виде, как она открылась.

Постигая законы мироздания, человек постепенно пришел к выводу, что и природа в глубине своей тоже построена на парадоксах. Возьмем хрестоматийный пример.

Анри Бергсон говорил, что наша элементарная логика есть логика твердых тел, то есть каких-то простейших соотношений. Между тем, уже физика знает столько парадоксов, что наше рассудочное мышление как бы останавливается перед ними. Мы знаем, что существуют другие системы математики. Для простой рассудочной логики параллельные линии никогда не сойдутся, но для неевклидовой геометрии они сходятся; для логики вещь является либо непрерывной, либо прерывной — для физики частицы одновременно являются и непрерывными волнами.

Иными словами, человеческое мышление не может охватить целиком всю реальность. Поэтому физики создали так называемый принцип дополнительности. Это очень важный научный принцип. Он полностью подходит и к догматике, более того, — принцип дополнительности был употреблен в догматах Церкви задолго до Нильса Бора и других, кто этот принцип выдвигал в науке. Он заключается в том, что значительные и фундаментальные явления действительности могут быть описаны только в противоречивых терминах; соединяющего их интегрального описания невозможно найти в принципе — его не существует.

Отец Павел Флоренский, один из выдающихся христианских мыслителей XX в., говорил, что целокупная истина, падая с неба, как бы разбивается на отдельные части, и мы видим ее в таком расколотом состоянии. Еще Гегель отмечал, что Никео-Царьградский Символ веры изложен не в умозрительной форме, то есть это не философская или богословская система, — это цепь образов. Я бы сказал, художественных, емких образов, намекающих на ту реальность, которая стоит за этими словами.

Первое слово, которое произносит читающий Символ веры, — *Верую*. Часто это слово употребляется в негативном контексте, например — «слепая вера». Мы решительно протестуем против такого определения. Наоборот, вера является не слепой, а ясновидящей. Каждое познание требует определенного подхода. Как говорил русский философ Иван Ильин, один из крупнейших метафизиков XX в., необходимо осуществить «правильный акт» (у него было такое выражение). Он говорил, что если человек хочет увидеть картину, он должен иметь глаза — слепой или человек с завязанными глазами картину не увидит. Если хочешь слушать симфонию Бетховена, надо, чтобы у тебя были уши, слух. Если хочешь познать любую вещь — мельчайший объект, для этого нужны микроскоп и другие приспособления; для отдаленных объектов — радио- и другие телескопы. Для того чтобы постичь высшую реальность, духовную реальность, инструментом служит наш собственный дух. И когда люди говорят, что им надо «пощупать Бога руками — где Он, покажите!» — то здесь содержится некое недоразумение: ведь самые важные на свете вещи пощупать нельзя. Покажите мне человека, который когда-либо пощупал совесть, любовь, вдохновение, мудрость. То, что делает человека человеком, то, что является главной особенностью нашего человеческого бытия, основано на вещах, которые нельзя пощупать.

С определенного времени в истории, лет 300—400 тому назад, у человечества стало возрастать искушение придавать самое большое значение вещам, которые можно пощупать, измерить и взвесить. Никто не возражает — эти вещи существуют, и изучать их, и пользоваться ими, и создавать их человеку необходимо. Но когда возникало увлечение ими, когда уже ничего не оставалось, кроме чувственного мира, человек ступил на ложный путь развития. Потому что он тем и отличается от животного мира, что в нем возможно развитие сверхчувственных сил и способностей. Познание, любовь, свобода — это все сверхчувственные вещи, сверхвременные. Подчеркиваю, они потенциально заложены в человеке как способные стать сверхвременными. Но перед нами огромное искушение. Человек ставил себе задачу: иметь как можно больше пищи, одежды, хорошие материальные условия личной жизни. Хорошо это? В принципе, да, — но только при условии, если человеческое в нем также будет развиваться. Ибо иметь как можно больше жилья, одежды и так далее — это не человеческое, это у нас общее со всеми живыми существами. И птица должна иметь гнездо, и звери должны иметь нору, и антилопа должна иметь место, где она будет пастись, и каждая птица имеет свой охотничий регион, где она может питаться. Это общебиологическая закономерность, борьба за существование. Конечно, она есть и у растений, и у животных, и у человека.

Но человек стал человеком тогда, когда в нем появилось особенное начало, которое над всем этим возвышается. Если мы возьмем лучших — подчеркиваю, лучших представителей человечества: великих мудрецов, святых, поэтов, художников, героев, — то мы сразу увидим, что ради своего внутреннего мира, ради своих принципов, идей, убеждений они часто шли вразрез потребностям тела. Они могли не спать ночами, долго обходиться без пищи, жертвовать удобствами, семьей, комфортом, даже жизнью. И когда человек устремлялся только на материальное, он начинал душить в себе эти высшие потребности.

И возникли две модели. Одна модель — реальное стяжательство. Реальное стяжательство означает, что человек целиком устремлен на материальные блага. Эта болезнь до сих пор существует во всем мире. Чем она кончается? Катастрофой, особой катастрофой, потому что человек здесь обманывает свою природу и, пресыщенный, начинает бесноваться. Вот откуда в высокоразвитых странах возникают самоубийства, наркомания и прочее.

Вторая модель — утопия, когда материальное благополучие не дается, но без конца обещается. И поэтому люди к нему стремятся в течение десятков лет, через всяческие жертвы, как к некоей недосягаемой цели, и в конце концов не достигают ни духовного, ни материального. Все это тоже кончается глубоким нравственным, социальным и хозяйственным кризисом.

Только гармония между духовным, физическим и психическим в человеке может обеспечить нормальное, гармоничное развитие.

Вера есть стержень, в котором человек обретает единство собственного «я». Поэтому потенциально каждый человек, даже воинствующий атеист, в подсознании своем является верующим. Неверующих людей не существует — потому что дух человека запрограммирован на бессознательное стремление к Высшему началу. История XX в. доказала нам это с необычайной наглядностью. Недаром Мао Цзэдун перед смертью говорил одному из журналистов, что он понял значение тайны Бога, только раздумывая над собственным культом. Он понял, что человек, лишенный представления о Боге, в конце концов будет обоготворять все что угодно. И это оказалось совершенно очевидным.

Во всех странах, где так или иначе пытались уничтожить понятие о Божественном начале, его немедленно подменяли чем-нибудь другим, гораздо более вульгарным, гораздо более ничтожным; создавался идол, в роли которого оказывались либо отвлеченные социальные призраки, либо политические деятели, из которых больше половины были негодяями — всегда, во все века.

Итак, вера есть бессознательное стремление человека к высшему смыслу бытия, его принятие. Более того, вера есть состояние человеческого духа, которое достигается этим бессознательным восприятием смысла бытия. Если смысл есть — стоит жить. Когда смысл полностью уничтожается, у человека как бы выпадает стержень жизни и он заживо гибнет. Есть вера осознанная — такова христианская вера. Она осознает, к чему человек стремится и почему. Она-то и говорит нам о *едином Боге Отце, Вседержителе, Творце неба и земли*.

Это первый пункт Символа веры. Бог — единый. Почему? Потому что человек всегда ощущал за многообразием духовных и физических начал нечто единое. И наука оказалась на том же пути. Падает метеорит. Ученые изучают его состав. Оказывается — те же элементы, что и на Земле. Спектральный анализ проникает в глубины звезд, открывает их состав — там та же таблица Менделеева. Всюду действуют общие законы, все как бы подчинено некоему единому замыслу. Недаром знаменитый английский астроном Джеймс Джинс говорил, что Вселенная сегодня больше похожа на огромную мысль, чем на огромную машину.

Что стоит за этим совершенством Вселенной? Откуда эта закономерность? Когда нам говорят, что нет чудес, я сразу думаю о том, что самое большое чудо — существование мира, причем чудо, которое человек может познать.

Аристотель говорил, что всякое познание, и научное в том числе, начинается с удивления. Человек изумляется тому, что он видит. Вторя ему, Альберт Эйнштейн писал, что тот, кто потерял способность изумляться, душевно мертв. Знать, что существует сокровенная реальность, которая является как высшая мудрость и совершенная красота, — это знание, это убеждение есть ядро подлинной религиозности.

В эпоху создания классической механики, которая предшествовала эйнштейновскому пониманию мира, один из основателей небесной механики, Иоганн Кеплер, говорил: «Когда я изучаю законы мироздания, я как бы прикасаюсь к Богу руками».

В XVIII в. шведский ученый Карл Линней, создавший классификацию животных и растений, которой мы до сих пор пользуемся, закончив свою работу, написал: «Бог прошел мимо меня, я видел Его в Его творениях». Основатель экспериментальной науки Фрэнсис Бэкон писал: «Лишь поверхностное знание уводит от Бога, глубокое познание, напротив, опять к Нему возвращает».

Несколько лет назад в Москве вышла книга «Диалоги». Там, в частности, помещена статья физика Чарлза Таунса, одного из создателей мазеров, нашего современника. Статья эта называется «Единство науки и религии».

Как наука постигает материальную часть мира, так вера познает его духовную основу. Но и та и другая теснейшим образом связаны между собой — потому что и та и другая познают в конце концов Творца и Тайну. Удивительно, что человек способен ощутить Творца просто интуитивно. На самом деле наше глубинное интуитивное познание — это и есть тот орган, который может постичь «Отца всяческих».

Когда человек смотрит на жизнь не поверхностно, когда он не скользит по вещам, когда он задумывается над чудом атома, клетки, расцветающего цветка, сложностью собственного устройства, то чем больше он проникает в это, тем сильнее его бесконечное изумление.

Вселенная — гигантский организм. Любая вещь, созданная человеком, требует усилий, искусства, таланта и разума. Но насколько велик и необъятен должен быть тот разум и тот гений, который стоит за всей Вселенной! К нему подводит нас все то, что нам известно о мироздании.

Разумеется, я не буду останавливаться на примитивных аргументах, которые вытаскивали из пыльных ящиков лет тридцать назад, когда я еще только начинал служить. Я помню, тогда был плакат с изображением спутников. И там была забавная надпись от лица спутников, что они всю Вселенную обошли — нигде Бога не нашли. Конечно, вызывало сомнение само это утверждение, что они обошли всю Вселенную. Надо иметь некоторое представление о том, что такое Вселенная, чтобы понимать, насколько такое утверждение бессмысленно.

В связи с этим вспоминается притча, написанная Солоухиным о том, как один карась решил выяснить, что происходит «по ту сторону». Выпрыгнув из воды на несколько сантиметров, он плюхнулся обратно и заявил: «Ну, там никакой жизни нет, конечно, там вообще жить нельзя». Так вот, человек поднимается над своей планетой не больше, чем этот карась — над своей.

Но в пространстве Божественное начало вообще искать нельзя. Бог не находится ни тут, ни там. Он здесь или всюду, Он пронизывает всё. И когда человек постигает Его, он постигает не вещь, которую можно сфотографировать или измерить, — он открывает Его своим внутренним взором. В свое время было принято говорить, что эта вера, которую мы называем религиозной, уводит человека от жизни. Между тем только она и наполняет смыслом нашу жизнь. Значит, для чего-то мы созданы, значит, для чего-то создана Земля, для чего-то создана вся природа, к какой-то цели Высший разум ведет и человека, и жизнь. И тогда Он дает нам вдохновение, тогда мы не просто пузыри, которые лопаются на поверхности кипящей жидкости, а каждый из нас является образом и подобием Творца.

О Боге Символ веры говорит как об Отце и Творце неба и земли. Что это значит? Понятие *отец* подчеркивает, что это не безличная стихия вроде той, которую изобразил Карел Чапек в романе «Фабрика Абсолюта». Там, в этом фантастическом романе, герои выделили из материи некий сверхъестественный элемент. Нет, это не стихия, Отец — это личностное начало. Потому и человек — личность, что он отображает в себе высшее личностное начало Божие — Творца неба и земли.

Что такое небо и земля? Это очень древнее обозначение Вселенной. Еще за шесть тысяч лет до нас древние шумеры называли Вселенную *Ан-ки*, что значит «небо и земля» — два полюса бытия. Так же и Библия начинает свое повествование словами «В начале сотворил Бог небо и землю», то есть все основные параметры Вселенной.

И еще два параметра указываются в Символе: *Видимым же всем и невидимым*. Он — Творец всего видимого и невидимого. Эти слова приводят нас к идее двойственности всего мироздания, двойственности нашей природы. И человек, который является микрокосмосом, то есть маленькой вселенной, соединяет в себе все. В наших тканях, в наших костях живут минералы. В каждой клетке нашего организма заложены те же принципы, что и в клетке любого растения. В нашей физиологии заложено все то, что есть в физиологии высших животных. Но, кроме этого, у нас есть еще и невидимое начало, то самое начало, которое мы называем духом. Душа, если говорить строго, является связующим звеном между духом и телом.

Дух отличается прежде всего творчеством. Только дух творит. В животном мире творчества нет. Поэтому человек похож на Бога. Дух познает нравственные ценности, выбирает между добром и злом. Дух свободен, потенциально свободен — поэтому человек несет ответственность за свои поступки. Дух не материален, он не имеет цвета, формы, веса, не занимает пространства, поэтому он и неразрушим. Почему разрушима материя? Потому что она из чего-то создана: из молекул, атомов, элементарных частиц, которые двигаются в пространстве. Что такое движение? Это изменение местонахождения в пространстве. Творчество, сознание, любовь не находятся в пространстве, поэтому материальное движение им недоступно, и разрушение тоже. Душа человека внутренне обогащается, она может расти, но рост ее не материальный. Растет дерево, растет организм. Растет и дух — но совсем по-другому. Все свойства духа суть *динамические* величины. Я подчеркиваю, динамические величины, то есть они могут увеличиваться и уменьшаться. Можно закопать талант в землю, можно его развить; можно учиться любить, а можно подавить в себе это стремление, и т. д. То есть не надо думать, что этот дар нам дается в готовом виде, что он появляется, как Афина из головы Зевса, и больше ничего не надо добавлять. Нет, вся человеческая жизнь является развитием духовных свойств. Библия называет эти свойства *образом и подобием* Творца.

Человек является образом и подобием природы, я уже говорил об этом. А как творец, как познающий добро и зло, как мыслящий, охватывающий всю Вселенную, он — подобие своего Создателя. В этом отношении он бесконечно возвышается над всем. Блез Паскаль, знаменитый физик и философ, писал, что человек — былинка, тростинка, что ничего не стоит уничтожить его, малой капли достаточно, чтобы его убить. Но если вся Вселенная обрушится на него, он будет выше ее, потому что она обрушится на него бессмысленно, бездумно. Только он один будет понимать, что он погибает.

Человек явился в последний миг истории мира. Для нас остается тайной, создан ли он только на Земле или и в других мирах. Практически сегодня мы говорим пока только о нашем, земном человечестве. Могут быть два варианта: либо Бог заселил Вселенную другими человечествами, либо наше человечество является эпицентром, откуда со временем пойдет разумное заселение всей Вселенной. Но важно другое, то, что мир, согласно Библии, согласно Священному Писанию, — это не готовая вещь, а некая заданность, призвание человека. И когда человек изменяет своему призванию, он начинает разрушать мир. Вместо того чтобы его преобразить, одухотворить, он его загаживает. Вместо того чтобы развивать способности духовного познания, он тупеет. Вместо того чтобы углублять братство и любовь, он звереет. И это в конце концов приводит к тяжким последствиям.

Не надо думать, что Божественное наказание есть наказание уголовное. Часто меня спрашивают, почему говорят: «Бог наказал» и прочее. Нет, Бог не уголовная инстанция. Но Он создал определенный нравственный миропорядок, и в этом нравственном миропорядке посеянное зло в конце концов оборачивается против того, кто его посеял. Человек несет ответственность за то, что он создал, причем эта ответственность связана с глубокой солидарностью людей. Люди связаны между собой, и когда мы творим зло, то это не наше личное дело — это всегда распространяется вокруг.

Таким образом, первый пункт Символа веры касается главного пункта любой религии. То, о чем я сейчас говорил, является догматом и ислама, и иудаизма. И даже язычники, которые почитают Божество в отдельных явлениях природы, все-таки знают, что за отдельными явлениями сокрыта Высшая реальность. Поэтому первый пункт Символа веры вводит нас только в преддверие

христианского вероучения. Пока это еще религия в самом широком смысле этого слова. Является ли это отвлеченной теорией, метафизикой, богословием, философией? Нет, и богословие, и философия лишь осмысляют ее.

На самом деле для каждого человека существует возможность глубочайшей таинственной личной встречи с Высшей реальностью. Человек может и должен всегда искать к ней путь. У нас никогда не будет полноты жизни или того, что мы называем счастьем, если мы будем отрезаны от этой реальности. Мы никогда не будем по-настоящему счастливы, если будем подменять ее идолами: рано или поздно идол упадет, и мы увидим, что он бессилен и бесславен.

В течение ста тысяч лет, с того момента, когда человечество осознало себя, оно всегда было устремлено к Небу, всегда искало Бога. Как говорит нам Библия, Бог создал человека, и человек Его ищет — а на самом деле Он не далек от каждого из нас. Так сказано в 17-й главе книги Деяний апостолов. История человеческого духа и культуры — это история богоискания. И только на отдельных отрезках истории как бы вспыхивало черное пламя бездуховности — попытка отказаться от стремления к Вечности. Таковы были попытки материализма в Древней Индии, Древнем Китае, Древней греции и в нашем столетии. Но это аномалии духовного развития. Нормальное духовное развитие всегда проходило под знаком веры, под знаком того, что мы называем религией.

Слово «религия» происходит от латинского *религаре* — связывать. Мы — отдельные люди, и есть тайна, которая нас связывает друг с другом, связывает нас с Высшим, связывает нас с целью бытия и каждому в отдельности придает непреходящий смысл. Мы больше не песчинки, мы больше не мусор и не осенние листья, которые падают на землю. Каждый из нас бесконечно драгоценен, как жемчужина, извлеченная из волн. Каждая душа — это жемчужина. Все зависит от того, как она обработана. А обработка — это и есть духовная жизнь, духовное усилие.

Таков первый пункт Символа веры. Дальше мы будем двигаться по основным темам Символа. Разумеется, я не могу охватить эту неисчерпаемую проблему во всей полноте. На некоторые вопросы я попытаюсь ответить позже. А сейчас я благодарю вас всех. Я был очень рад, что вы собрались здесь, чтобы услышать древнее и вечно юное слово Церкви — тот Никео-Царьградский Символ, на котором стояло христианство в течение столетий и будет стоять неизменно, все время открывая в нем новые и новые глубины, все время постигая его, ибо здесь — путь, не имеющий конца, путь в бесконечность. Это открытая модель, модель полета и путешествия к свету.

Спасибо.

Беседа вторая

Бог открылся человеку как Бог живой, как Бог, говорящий с ним. Познание Бога — не односторонний процесс, как познание природы; это — встреча. Поэтому здесь мы употребляем слово *Откровение*, но не открытие. Открытие в сфере природы всегда есть нечто одностороннее — человек познает природу. Когда человек познает Бога — они встречаются. Это встреча двух личностей. Это диалог.

Слово *Отец* завещано нам Самим Иисусом Христом. Он вкладывал в это слово и эмоциональную теплоту (Отец как заботящийся, как любящий), и таинственный смысл, связанный с Его личностью. Он наш Отец, и Он — Его Отец, но совершенно по-разному. Мы подойдем к этому впоследствии, когда будем говорить о личности Христа.

Мы называем Его также *Вседержителем*. Вседержитель — это тот, кто постоянно поддерживает бытие. Бытие нам не принадлежит, мы его получаем и можем утратить. В 103-м псалме сказано: когда Бог лишает мир Своего Духа, все превращается в пыль, «в персть свою возвращается». Значит, таинственное имя Божие — Сущий, которое, вероятно, звучало как *Яхве'*, означает: «Тот, Кто имеет Бытие», «Кто есть». И когда пророк Моисей спросил Его: «Кто Ты?», Он ему ответил: «Я — Тот, Кто существует». Таково определение Бога.

Он — Вседержитель, *Творец неба и земли*. Не излияние, не эманация, не единосущность человека и Бога или природы и Бога, а нечто совершенно иное. Между абсолютным Творцом и творением — нами и всем остальным, что создано, — лежит пропасть, потому что мы суть тварь, творение. И это — одна из особенностей христианского видения бытия. «Да будет свет», — говорит Бог. *Да будет* — Он создает из ничего. И это не значит, что ничто есть какая-то сущность; просто бытия не существовало, и Он дал ему начало.

Обратимся ко второму тезису Символа веры, который звучит так: *И во единого господа Иисуса Христа, Сына Божия*.

Для того чтобы понять эти слова, необходимо обратиться к Библии, к Священному Писанию, потому что без него мы не поймем ни одного из этих слов. Ибо Иисус — земное имя Бога, открывшегося в человеке, Христос — это понятие, означающее «царь», «помазанник». Почему «царь» и что означает Сын Божий — об этом мы будем говорить далее.

Итак, Бог Священного Писания, Бог Библии, — это тот Бог, Который говорит человеку. И Откровение Его, то, что Он вкладывает в человеческое сердце, записано мудрецами и пророками древнего Израиля, а уже в новую эру — апостолами, которые составляли Евангелие и другие книги Нового Завета. Не следует думать, что боговдохновенность Священного Писания заключается в том, что авторы его писали как бы в трансе, писали как бы под диктовку. Уже Отцы Церкви показывают нам, что такое мнение — а оно существовало — ложно. Ибо каждый из библейских авторов пишет в своем стиле, у него есть свой язык, свои литературные приемы, свой характер. И даже если мы возьмем четырех евангелистов (Евангелие наиболее доступно, многие из вас его читали), сразу же можно отметить глубокое различие между скупым, лаконичным, немного простонародным языком Евангелия от Марка и языком Евангелия от Иоанна с его длинными периодами, обилием диалогов, с его совершенно иным построением. Поэтому мы можем говорить о боговдохновенности Библии как о некоей Богочеловеческой тайне, как о пересечении двух миров: души человека — сына своего времени, человека, который пронизан идеями своей эпохи, с особенностями своего языка и страны, — и потока Духа, который через него протекает.

Образно это можно выразить так: как солнце, проходя через кристалл, через цветное окно витража, меняет свой цвет и свет, так и Откровение, проходя через душу пророка или апостола, передается по-разному. И поэтому необходимо помнить: хотя мы иногда говорим, что Библия имеет одного автора — и это Бог, но в то же время у нее много авторов — это люди, и люди совершенно разные. Вопрос о том, как отделить в Библии то, что является центральным и существенным, от преходящего, временного, частного, и составляет как раз предмет одной из дисциплин обширной библейской науки. Но каждый человек, который открывает Священное Писание не только из

любопытства, а для того чтобы услышать голос, обращенный к нему, услышит этот голос через века, через особенности языка, стиля и конкретного мышления.

Библия делится на две части: Ветхий Завет и Новый Завет. Что связывает их? Одно слово, одно понятие, одна реальность, одна сила. Мы определяем ее как Христос.

Христос — значит «Царь». О Нем говорит Новый Завет, его предвосхищает Ветхий Завет. Но почему «Царь»? Что значит для нас это Царствование и откуда этот термин?

Для начала я скажу вам о Завете. Когда человек, обуянный гордыней, бросает вызов природе и Богу, он хочет действовать сам. И хотя такие порывы часто кажутся нам возвышенными, они обречены на поражение. Когда человек склоняется перед Богом как перед деспотом, как перед давящей и беспощадной, деспотичной силой, он подменяет истинного Бога — Бога свободы и любви — идолом. Против всего этого выступает, этому противостоит центральная библейская идея Завета. На древнееврейском языке это слово звучит как *брит*, по-русски — *союз,* а по церковно-славянски — *завет*. Это союз между Богом и человеком.

Вы спросите, может ли быть союз между преходящим, несовершенным, эфемерным существом, каковым является человек, и Божественной вечностью, «Тем, Кто создал мирозданье, Самовластным, Всемогущим», — как говорил Шота Руставели. Оказывается, это возможно. Почему? Та же Библия учит нас, что Бог поднимает человека. Он создал его из праха, из пыли, но вдохнул в него дыхание жизни от Самого Себя. Таким образом, тайна человеческого двуединства, тайна парадокса человеческого существования заключается в нашей сопричастности как природе, обреченной на изменение и умирание, так и небесному, духовному, Божественному.

Человек призывается быть сотворцом, соучастником Бога. Он как бы становится Его подобием на земле. И Библия прямо употребляет этот термин — человек есть *образ и подобие* Творца. господь говорит: «Сотворим человека по образу и подобию Нашему». А если так, то человек — потенциально свободное существо, человек — творящее существо, человек — существо мыслящее, самосознающее и постигающее нравственные истины, существо этическое. И поскольку человек несет в себе образ и подобие Божие, он выше всего в мироздании, он сразу вырастает над миром, он становится исполином — по сравнению с природой, но не по сравнению со своим Творцом. Но зато он может быть с Ним соотнесен. И поэтому Бог осуществляет свои замыслы через нас, людей: через всех вместе и через каждого отдельно.

Библия учит нас тому, что в этом мире замысел Творца не господствует, не торжествует, не царствует, что в этом мире, который открыт свободе, буйствуют демонические силы, противящиеся гармонии мироздания, противящиеся конечным целям Божества; Иисус Христос называет сатану «князем мира сего». И в свете этого мы можем понять библейский термин «Царство Божие», или Царствование Бога. Это — цель мироздания, та песнь гармонии, та полнота бытия, то бесконечное совершенствование, которое открывается перед природой только тогда, когда она сама выберет этот Божественный путь. Но как природа может выбрать, если она не имеет свободной воли? Она имеет ее в нашем лице: потому что человек есть природа, осознавшая саму себя. Человек есть венец природы, и мы несем ответственность за животных, за растения, за всю планету — мы от ее лица предстоим Богу.

Апостол Павел говорит, что вся тварь (то есть все творение) «стенает и мучается», ожидая откровения сынов Божьих. Это мы — сыны Божьи, дети Божьи, мы должны ими быть. И когда человек отступает от этого призвания, он становится угнетателем природы, ее растлителем, разрушителем; он поворачивается спиной к собственному Творцу, он разрушает свою душу. Вместо гармонии и полноты, симфонии жизни он создает чудовищную какофонию зла, распада и гибели.

Вы можете спросить: а как же Творец этого не предвидел? Это наивный вопрос, который умаляет Творца и изображает Его в виде какого-то мастера, изготовляющего робота, который потом выходит из-под контроля. Это совсем не так.

Если мы свободные существа — значит, для нас открыта потенциальная возможность избрать ложный путь. Но когда мы получим те последствия, которые влечет за собой этот выбор, мы не должны говорить, что повинен Бог: ибо Он через своих мудрецов и пророков и, наконец, через Евангелие Христово предупредил нас об этих последствиях. «Вот, — говорит Он через пророка

Моисея, — Я полагаю перед тобой два пути: путь жизни и путь смерти». Тогда вы спросите: «А почему же человек так часто выбирает путь смерти?» Рационального, философски отвлеченного, логически обоснованного ответа на этот вопрос нет и принципиально быть не может.

Великий русский мыслитель Николай Бердяев подчеркивал, что до конца объяснить волю ко злу — значит его оправдать и рационализировать, то есть сделать его разумным, а воля ко злу — это слепой порыв. И мы из своего личного опыта способны почувствовать эту абсурдность, эту чудовищность, это безумие зла. В истории человечества зло, как правило, было иррационально. Если мы бросим взгляд хотя бы на события нашего XX столетия, мы увидим здесь столько настоящего безумия, что невольно возникает вопрос о массовом сумасшествии людей.

Ничего по-настоящему рационального не было в деяниях диктаторов, угнетателей, тиранов. Что толкнуло Адольфа Гитлера на войну против нашей страны? Разве рассудок, разве здравый смысл? Что толкало Сталина на войну против собственного народа? Разве здравый смысл? Если бы здесь был здравый смысл, Сталин понимал бы, что истреблять миллионы людей, причем лучших из них, — это значит через пару поколений поставить страну на грань катастрофы. Но он был в безумии и был окружен безумными людьми, такими же, как Гитлер. Только у Гитлера это безумие было очевидным, у Сталина же о нем было известно лишь Бехтереву и другим психиатрам, которые ставили ему диагноз паранойя.

Итак, зло — это безумие, в глубину которого мы с вами никогда не погрузимся и никогда не поймем, что это такое. Только поэты, люди, интуитивно чувствующие и изображающие реальность, могут намекнуть на эту бездну. Но она существует.

И когда человечество противится Богу, Он не бросает его. В этом смысл библейского сказания о потопе. Многие люди начинают рассуждать, как два генерала у Салтыкова-Щедрина: был потоп или не был. А это аллегория. Разве вы думаете, что Библия описывала это событие просто потому, что была такая катастрофа? Да мало ли было глобальных катастроф на Земле, извержений, наводнений? Для чего в Священной книге понадобилось говорить об этом? Для того чтобы показать нам, что когда человечество изменяет своему призванию, мир теряет смысл и снова возвращается в водный хаос, то есть в первобытное состояние.

И вот Бог не дает погибнуть всему и все-таки находит среди нас тех, кто будет продолжать соучаствовать в Его труде. Здесь и возникает Завет — Завет Древний, или Ветхий. Первый его этап — Завет с Авраамом.

Почти за две тысячи лет до Р. Х. кучка людей покидает Месопотамию (современный Ирак) и движется на запад. В то время переселялись многие народы. Но эта группа людей, возглавляемая Авраамом, шла не просто в поисках новых пастбищ или новых земель. Причины переселения были религиозными. Бог призвал Авраама и сказал: «Иди, оставь дом своего отца, оставь язычников, оставь свою землю, иди в другую землю, куда Я тебя поведу». Серен Кьеркегор, знаменитый датский философ XIX в., писал: «Авраам стал героем веры, потому что он пошел навстречу неведомому, потому что он полностью доверился этому таинственному голосу, который его призывал». Авраам — герой веры, потому что он шел вопреки всему. Бог обещал ему потомство, через которое благословятся все народы и племена земли, — но жена его была бесплодна и в преклонном возрасте. Бог обещал ему землю — но он был странником и чужаком. Он ничего не имел — кроме полного доверия к Богу. Он сказал высшему Бытию: «Да. Вот я, я иду за Тобой».

Поэтому апостол Павел две тысячи лет спустя говорит об Аврааме как о нашем всеобщем отце, отце всех верующих, прототипе человека, который доверяет Богу. Слово «вера», в древнееврейском языке — *эмуна*, имеет тот же корень, что слово *амун* — надежный, верный. Он Ему поверил и поверил в верность Бога Своему слову. Бытие, которое нас окружает, может казаться нам страшным, угрожающим, может казаться мрачной силой, и тогда оно таким и будет. Авраам был подобен другим язычникам, которые знали о демонических силах, окружающих мир, но он посмотрел выше и сказал: «Да, я иду». «Поверил Авраам Богу и это вменилось ему в праведность», — читаем мы в книге Бытия. Заметьте, обратите внимание: не сказано, что он поверил в Бога; поверить в Бога, в конце концов, суждено каждому человеку, а он поверил Богу, он Ему доверился, он поверил, что это слово есть действительно Высшее слово. И он не стал спрашивать: «Как же у

меня будут потомки, если жена моя не может родить ребенка?» Он не спрашивал: «А как через моих детей благословятся все племена и народы земли?» Он ни о чем не спрашивал — поднялся и пошел. И Бог заключает с ним первый Завет.

Второй Завет будет заключен через несколько столетий, ок. XIII в. до Р. Х. Отдаленные потомки Авраама, небольшой клан, которые называли себя сынами Израиля, поселяются в Египте. Там им приходится терпеть притеснения фараона, и тогда Бог посылает им пророка, воспитанного среди египтян, носящего египетское имя Моисей. Он призывает их идти на свободу, зовет заключить с Богом Завет в пустыне — не в богатом Египте, где хотя и приходилось работать подневольно, но они были всегда сыты, имели кров и относительную безопасность, а в пустыне, где нет ни воды, ни жилья, где обитают демоны.

И Моисей с огромным трудом поднял этих людей, за долгое время укоренившихся в неволе, косных, и они шли за ним — в постоянном ропоте и оглядываясь назад, на дом рабства. Это становится вечным архетипом, потому что каждый человек — раб зла, которое в нем сидит. И для того чтобы вырваться из рабства, необходимо совершить подвиг веры и пойти навстречу неведомому.

И вот они приближаются к горе Синай на юге Синайского полуострова, и там Бог через Моисея дает им десять заповедей. Из этих десяти заповедей только четыре относятся к Богу: полное Его почитание, отвержение всяких идолов, благоговение перед именем господа, посвящение одного дня в неделю Богу. А все остальные относятся к человеческим отношениям.

Какой отсюда вывод? Это означает, что согласно Моисееву Откровению, служить господу можно в первую очередь тем, что ты служишь людям, братьям и сестрам твоим. Моисей принес эти заповеди на двух каменных досках-скрижалях; наверное, вы все помните их по репродукциям микеланджеловского Моисея, который держит эти каменные доски. Он дает две основные заповеди, которые впоследствии Иисус Христос определит как главные заповеди, на которых строится весь Ветхий Завет: возлюби господа Бога твоего всем сердцем твоим, всей крепостью твоею, и ближнего своего, как самого себя. Вот две заповеди.

Что это означает? Мы можем понять, что значит любить ближнего. В конце концов, Бог устроил так, что природа учит мать любить своего ребенка, мужчину — любить женщину, женщину — мужчину и т. д. в узком семейном кругу. Но из этой естественной любви возрастают и более широкие связи — дружеские связи; можно любить свое отечество, можно любить своих единомышленников, единоверцев. А как любить Бога? Между тем апостол Иоанн в Новом Завете скажет: «Кто не любит брата, тот не любит Бога». Значит, это неразрывно связанные между собой заповеди. Конечно, вопрос этот решается только во внутреннем христианском опыте, вообще во внутреннем религиозном опыте.

Любовь к Богу начинается с благодарности. Ведь мы необычайно неблагодарные существа, и что бы у нас в жизни ни происходило, добро мы принимаем как должное. А вот представьте себе на минуту, что мы ведь действительно ничего не заслужили из того прекрасного, что есть в жизни. Блестящий снег, голубое небо, осенний лес, звуки музыки — вся жизнь, вся красота жизни, полнота жизни, которая нам дана и которой мы так плохо пользуемся, — часто ли мы благодарим за это?

Здесь мне хочется напомнить стихотворение Дмитрия Мережковского, который как раз об этой благодарности и писал:

О, Боже мой, благодарю
За то, что дал моим очам
Ты видеть мир, Твой вечный храм,
И ночь, и волны, и зарю...

Везде я чувствую, везде
Тебя, господь, — в ночной тиши,
И в отдаленнейшей звезде,
И в глубине моей души.

Пока живу — Тебе молюсь,
Тебя люблю, дышу Тобой,
Когда умру — с Тобой сольюсь,
Как звезды с утренней зарей.

Хочу, чтоб жизнь моя была
Тебе немолчная хвала.
Тебя за полночь и зарю,
За жизнь и смерть — благодарю...

Благодарность за все. Один французский писатель в прошлом веке незадолго до смерти писал в своем дневнике: «У меня была прекрасная жизнь, я не знаю, кого благодарить, но я благодарю от всей души». Это искреннее признание дорогого стоит. Подумайте об этом. Можем мы любить солнце, ночь, звезды, любить воду, которую мы пьем, пищу — все, что нам дается? Подумайте о бытии, в которое мы включены, — сколько счастья в это вложено, хотя мы этого не заслужили и его отравляем и портим. Чьи это руки нас объемлют? Вот тогда вы вдруг ощутите, что Бога можно любить и что на самом деле можно любить только Его. Потому что все то, что мы любим на свете и кого мы любим, — все это через Него, в Нем, с Ним. Поэтому древнейшая заповедь о любви к Богу есть начало религии. В этой любви — и удивление, и восхищение, и, прежде всего, опять повторяю, благодарность.

Ветхий Завет содержит в себе важнейшее открытие: нравственное состояние общества теснейшим образом взаимосвязано с судьбой этого общества, и человек должен не просто в мечтах, а в реальной жизни осуществлять правду, добро и справедливость.

Когда дальнейшие события показали, как слабы и недостойны люди, явились пророки — великие писатели, создатели основных книг Ветхого Завета (за исключением Моисеевых), которые провозгласили: «Завет нарушен, и будет возмездие общине Ветхого Завета, древнеизраильской Церкви», — возмездие, потому что зло порождает зло.

Прежде всего, был соблазн язычества. Иной раз мы удивляемся, почему люди так тянулись к язычеству. Так происходило, потому что язычник обоготворял войну, плодородие, секс, золото — все это представало в виде богов, властителей, или, как их называли на Востоке, ваалов, которым поклонялся народ. Это осталось и теперь, только носит другие названия.

Пророки выступали против тирании, несправедливости, угнетения, против религиозного формализма, против обрядоверия, против национального превозношения и шовинизма, против войн и насилия. По этой причине мы можем сказать: прав был Петр Чаадаев, который писал, что учение пророков — это не что-то ушедшее в прошлое и дорогое для нас лишь потому, что пророки предсказывали явление Христа, но это учение, которое актуально и сегодня.

Но пророки предсказывали также, что Бог заключит с Остатком Церкви (это особое понятие — Остаток, то есть те, кто сохранил верность) Новый Завет, по-еврейски *Брит Хадаша',* и предсказывали, как это свершится. Воля Творца, Царство красоты, полноты, гармонии, симфонии мира явится через Того, Кто будет истинным Царем человечества — не победоносным монархом, проливающим кровь и наступающим на голову врага, не диктатором и тираном, а Тем, Кто Сам придет к людям и будет страдать их страданиями, болеть их болезнями и примет на Себя грех мира, как бы примет на Себя тот удар возмездия, который неизбежно падает на мир, напоенный ядом зла.

Он принесет на землю Царство Божие.

И вот мы на пороге Нового Завета. Вы все знаете о празднике Рождества Христова, который воскрешает в нашей памяти великое событие — явление на земле истинного Царя.

Царь в древности назывался *помазанник*, по-еврейски — *маши'ах* (в греческой транскрипции — *мессия*); это слово сохранилось впоследствии и в русской терминологии. Происходит этот термин от обряда помазания. В глубокой древности, когда вождь, царь или пророк шли на свое служение, на их голову возливали чашу освященного елея — масла оливы, — который издревле

символизировал сохранность, ограждение от дурного. По-гречески слово «помазанник» звучит как *Христос.*

Таков Царь Нового Завета. Один из поэтов прошлого века написал трогательную песенку: «Он родился не в палатах и не в убранных домах, там не видно было злата, где лежал Он в пеленах». Само рождение Христово происходит в убогой обстановке. Он рождается на задворках дома, там, где держат скот, и Его пеленают не в колыбельке, а в кормушке для скота. Христос приходит не как учитель, имеющий санкцию от авторитетных людей своего времени, не как завоеватель, не как жрец, не как философ, окруженный мудрыми учениками. Он приходит к людям как простолюдин, плотник из провинции. Он скрывает Свою тайну и открывает ее только тем, кто, увидев Его, узнал в Нем Божественное присутствие.

Для чего все это было нужно? Для чего это нужно и теперь? Для того, чтобы человек принял Его свободно, добровольно, чтобы не было никакого насилия над духом и совестью людей. Бог-громовержец, Бог-властелин в какой-то мере является проекцией наших затаенных мечтаний, нашего подсознания. Когда мы хотим иметь такого господина, в нас живет раб, в нас живет тот, кто ищет «твердой руки». А мы видим другую руку — руку Христа, пронзенную и прибитую ко кресту. В Нем нет никаких проекций наших мечтаний. Он принял в своей судьбе всю горечь человеческого существования: и труд, и непонимание близких, и горечь отвержения, и предательство, и неправый суд, и пытку, и смерть — все. Он вошел и спустился на дно нашего бытия, и призвал к Себе тех, кто сумел Его разгадать, разглядеть эту искру во мраке.

«Свет во тьме светит», — говорит нам апостол Иоанн. Евангельский свет светит во тьме. Это Новый Завет. Ветхий Завет заключен с Авраамом и Моисеем. Новый Завет заключен на Тайной вечере.

И здесь — уже совсем уничиженное состояние Христа: не храм, не торжественный зал, а темная комната, где при лампадах собрались ученики, и Христос совершает таинственный обряд, и хлеб и вино перед ними.

Так был заключен Новый Завет — союз сердца, союз любви. Он продолжает жить и сегодня. Мы живем в трудную, но прекрасную эру Нового Завета.

Христос соединил Небо и землю, поэтому Он — единый господь. Иисус — Его земное имя, по древнееврейски Йешуа, по-гречески и по-русски — Иисус; Христос — это Царь, Царь нашего сердца, Царь грядущего мироздания, Царь, который противопоставил Свое Евангелие всем царствам мира сего.

Он принадлежит Небу, хотя пришел на землю. Поэтому мы называем Его Сыном Божиим. «Сын» на языке Библии означает «тот, кто принадлежит». Христос принадлежит Божественности. Он одновременно наш брат и наш Бог.

Огромные просторы Вселенной, бесконечные черные провалы космоса, таинственные процессы, которые совершаются в капле воды и в атоме, — все это находится в руках Творца незримого. И перед Ним стоим мы.

Для того чтобы мы услышали Его голос, Он должен был стать одним из нас, войти в человеческий мир. И Он открыл нам величайшую тайну. Его мудрость и мощь открылись в природе и мироздании через Иисуса Христа и через Его предтечей — пророков. Открылась Его воля. Воля Его в том, чтобы человек учился любви, учился открывать сердце, учился служению. В природе, в мироздании мы этого не найдем. Зато мы найдем это в слове Божием, в Священном Писании, в двух Заветах, которые показывают нам трудный путь человека от трепета, восхищения, страха, противления и борьбы — к принятию Христа.

Как совершилось принятие, каков был этот торжественный момент близ города Кесарии Филипповой? Христос идет с учениками. Он отверг толпу, которая хотела провозгласить Его Царем. Он стал странником в чужих местах. И вот Он идет усталый, плащ Его покрыт пылью. Идет по дороге — и молчат ученики, в страхе, в непонимании. Глубокая любовь приковывает их к Нему. Но в то же время они не могут не задавать вопросов: почему Он отверг восторженную толпу, почему не возглавил поход против язычников, не сверг иго тирании, — Он, Который мог совершать чудеса?

Он о Себе молчит. А потом вдруг, как бы косвенно, спрашивает их: «Кем Меня считают люди?» Они начинают говорить: пророком, может быть, даже ожившим пророком, пророком, пришедшим из прошлого. И тогда Он спрашивает их, впервые недвусмысленно и прямо: «А вы за кого Меня принимаете?» И Петр говорит: «Ты — Христос, Сын Бога Живого».

И отвечает ему господь: «Блажен ты, благословен ты, Симон Петр, потому что не человек тебе это открыл, не плоть и кровь, а Отец Небесный. Ты — Петр (что по-гречески значит «камень, скала»), и на этом камне Я создам Свою Церковь, и врата адовы не одолеют Ее».

Когда же Петр произнес эти слова? Не в момент земного успеха Спасителя, а в момент, когда Он как бы терпел полное поражение, когда уже ничего нельзя было ожидать, когда Он был почти что изгнан. Вот тогда-то Петр увидел в этом Страннике, Изгнаннике, идущем по дороге, Христа — Сына Бога Живого.

Это был акт свободы и выбора, акт веры и верности. Вот на этом и стоит Символ веры. И эта его часть — для нас главная, потому что Бога Творца почитают и в других религиях — мусульмане, иудаисты и многие другие. Но для нас есть Откровение Божие в Иисусе Христе, которого нет ни в одной религии.

Всегда надо помнить, что во всех верованиях есть прекрасное искусство и музыка, колокола и четки, традиции, философия, богословие. Но Христос — только у нас. И поэтому не случайно мы все, миллиард с лишним человек на Земле, называемся христианами.

А потом Символ веры вводит нас более глубоко в тайну Иисусову. Об этом — в следующий раз.

Беседа третья

Я не побоюсь повториться: в великих мировых культурах и религиях есть свои храмы, песнопения, колокола, четки, трактаты, монастыри и многое другое. И главное отличие христианства от других мировых религий заключается в Евангелии, в личности Иисуса Христа.

Этой Личности, этого Откровения нет нигде. И как бы ни была велика личность Будды, основателя буддизма, его установки, его поучения, его принципы гораздо более существенны для буддизма, чем личность самого Гаутамы Будды. В конце концов, если бы и не было на свете Магомета, а просто кто-то неизвестный выдвинул бы эти важнейшие догматы: единый Бог, покорность Богу, молитвы несколько раз в день и т. д., — то ислам был бы таким, каков он есть и теперь.

А вот христианство без Иисуса Христа лишается своей сущности — самой последней и важнейшей.

В предсмертной повести Владимира Соловьева, которая называется «Краткая повесть об Антихристе» (теперь вы уже можете ее прочитать, поскольку она издана у нас) есть такая сцена: всемирный президент, властитель Земли, собирает представителей главных христианских Церквей. Он обещает католикам построить особо пышные храмы, православным — создать необычайно ценные музеи древнего церковного искусства, протестантам — основать новые институты для изучения Священного Писания, теологии. Казалось, все в восторге. Но три руководителя Церквей — папа Петр, старец Иоанн и профессор Паули — ставят перед ним вопрос впрямую: как он относится к Иисусу Христу? «Ты все нам предлагаешь, кроме Него». Это христианство без Христа. Это эстетика, наука, традиция, богослужение. Но нет главного! Нет Сына Человеческого, распятого и воскресшего! И по этому признаку старец Иоанн, папа Петр и доктор Паули изобличают во всемирном президенте антихриста. Это принципиально важный момент, показывающий, как Владимир Соловьев смотрел на тайну христианства.

И надо сказать, что с его времени ничего не изменилось. И с того времени, когда было написано Евангелие, в этом смысле ничего не изменилось. «Я есть Альфа и Омега, начало и конец», — говорит господь Иисус. А когда мы читаем древнейшие, хронологически древнейшие тексты Нового Завета, мы находим там слова апостола Павла, который говорит, что человек спасается, то есть приобщается к Богу, не через закон, не делами закона, а верою в Иисуса Христа.

Что это значит? Закон есть некая система жизни. Закон есть религия, являющаяся частью человеческой культуры. У этой культуры, естественно, как у нас любят говорить, «земные корни». Это все важно и необходимо. Но совершить перелом, совершить прорыв это культурное наследие не может, потому что в нем слишком много человеческого, *только* человеческого. И только тогда, когда человек открывает для себя бессмертного, вечно живого Христа, тогда свершается то, что на специфическом библейском языке называется спасением — то есть приобщением человека к подлинной Жизни, о которой тоскует душа, к которой она стремится. Вот почему проповедь Свою Сам господь Иисус назвал *бесора',* что значит «радостное известие», по-гречески *эвангелион*. И мы это называем Радостной Вестью, Евангелием или Благой Вестью. О чем же эта Весть?

У бедуинов есть такой обычай: когда рождается мальчик, женщина, которая приняла такого мальчика, приходит к отцу и говорит: «Я возвещаю тебе великую радость — у тебя родился сын». И вот, открывая Евангелие от Луки, мы читаем там эти слова: ночью пастухи стерегут свои стада, и вдруг является им Слава господня. На библейском языке это означает явление Тайны в этом материальном мире. И они слышат: «Я возвещаю вам великую радость — ныне родился вам в городе Давидовом Спаситель, который есть Помазанник, господь». (О том, что такое помазанник и царь, мы с вами говорили в прошлый раз.) Пришел Царь царствовать, но родился, как нищий.

Спустя 30 лет после рождественских событий на берегу реки Иордан произошел интересный диалог: два рыбака нашли своего друга, который также находился на берегу реки в толпе, и сказали ему странные слова: «Мы нашли Мессию». Рыбак сказал: «Кто это?» — «Это Иисус, сын Иосифа из Назарета». Он, конечно, не поверил. Тогда они сказали ему просто: «Пойди и посмотри». Это

было главным доказательством, которое и сегодня мировое христианство приводит тем, кто хочет с ним познакомиться. Оно говорит эти два слова: «Пойди и посмотри».

И вот мы всматриваемся в образ Того, Кто перед нами начертан в Евангелии. Образ, который не потускнел за двадцать столетий. Какой великий гений мог создать такой образ? Недаром Жан Жак Руссо говорил, что тот, кто изобрел бы Христа, был бы еще более удивителен, чем Он Сам. говорят о коллективном народном творчестве. Я думаю, что такого творчества не существует. Есть анонимное творчество. Тем не менее, показательно, что Евангелие написано не одним человеком. Если бы это было одно Евангелие от Иоанна, мы сказали бы: «Вот был великий гений Иоанн, и он создал такой образ». Но евангелистов четыре. И каждый со своей точки видит образ Христа.

У писателей есть прием, который используется для того, чтобы придать образу большую рельефность, жизненность и правдоподобность. Для этого надо отметить недостатки, показать слабости героя, наложить тени на этот портрет. Евангелисты на образ Христа теней не накладывают. Тем не менее Он поразительно жив, поразительно реален и ощутим.

Прошли те времена, когда Евангелие считалось книгой, написанной в позднее время, через много-много поколений после жизни Иисуса Христа. Сейчас мы уже хорошо знаем, что все четыре Евангелия были написаны в том самом столетии, когда евангельские события происходили. Существуют древние манускрипты Евангелия, которые восходят к раннехристианскому времени. Самым поздним было Евангелие от Иоанна, написано оно около 90 г. I в. И фрагмент рукописи этого Евангелия, датируемый примерно 130 г., был найден в Египте — то есть кто-то его уже переписал и привез в Египет. А ведь тогда не на самолетах летали, все это происходило очень медленно. О том, что эта книга была хорошо известна и распространялась с раннего времени, свидетельствуют тысячи древних папирусов и пергаментных манускриптов. Сотни из них принадлежат ранне-христианскому времени. От античных писателей — и римских, и греческих (Гомер, Тацит, Вергилий) — не осталось такого количества древних рукописей. Большинство из них относится к эпохе Возрождения.

Кто и когда написал Евангелие? Как полагают, самым древним было не дошедшее до нас в оригинале Евангелие от Матфея, написанное на еврейском или арамейском языке. (Матфей был сборщиком пошлин, значит, вероятно, был наиболее грамотным среди учеников. По свидетельству епископа Папия, жившего во II в., Матфей написал свое Евангелие и потом его перевели на греческий.) То, что мы сегодня имеем как Евангелие от Матфея, — это уже греческая версия, составленная позднее, между 70 и 80 годами. В начале 60-х годов написано Евангелие от Марка; евангелист Марк считается создателем жанра Евангелия.

Заметьте важный момент: Евангелие — это не просто биография Иисуса Христа. В то время прекрасно знали, что такое биография. Вы знаете, что древнеримские и греческие писатели увлекались биографиями. И Плутарх в скором времени опубликовал свои «Сравнительные жизнеописания». Но Евангелие — это не биография и не проповедь, и не собрание изречений, и не характеристика личности. Это нечто совершенно новое. Это особый жанр, созданный евангелистами, быть может, именно евангелистом Марком.

Марк не был писателем. Он происходил из священнической семьи, жил в Иерусалиме. Когда происходили евангельские события, Марк был юношей, совсем почти мальчиком. А потом дом его матери становится домом апостола Петра и других учеников Христовых. Они туда приходят, они там чувствуют себя спокойно. Мать Марка была матерью первоначальной общины. Потом, когда апостол Павел начинает свою проповедь язычникам, он берет с собой Марка как помощника. Но, испуганный, по-видимому, трудностями пути, или по каким-то другим причинам, Марк оставляет Павла с его спутником Варнавой и возвращается в Иерусалим. Это была даже как бы некая размолвка, потом они примирились, и Марк сопровождал апостола Петра. Вот тут-то и произошло главное. Целый ряд современных историков и специалистов поражаются одной странной особенности Евангелия от Марка. Как писал один современный французский ученый, кажется, что это греческая калька с другого языка, что это добросовестный и буквальный перевод. А не было ли так: Петр рассказывал о том, что с ним было и что он видел, а Марк записал это, — но Петр

греческий знал плохо и, конечно, говорил по-арамейски или по-еврейски, а Марк записал по-гречески?

Происходило это в Риме. Каждый из вас, кто захотел бы представить себе тот момент в истории человечества, когда Марк впервые сел писать эту книгу, пусть возьмет роман польского писателя Генрика Сенкевича «Куда идешь?». Сенкевич подолгу жил в Риме, прекрасно знал латинскую литературу и историю и воссоздал картину жизни в тот момент, когда христианство впервые заявило о себе. Это начало 60-х годов I в. Тирания кесаря Нерона, коррупция чиновников, напряженная ситуация в империи, разложение различных слоев общества, кризис, и вот появляется маленькая струйка — христианская община. Роман этот (кроме главных героев) дает вполне достоверную картину событий. Там есть такое место: юноша-аристократ Виниций ищет свою невесту Лигию, которая от него скрывается. Через своих шпионов он узнает, что она стала христианкой, и тайно проникает на кладбище, где собираются христиане. Там, в толпе, он видит, как поднимается старик, которого все ждали. Старик — верховный жрец христиан, как представлял себе юноша. Это был просто рыбак, который рассказывал о том, что он видел и что пережил. Это был Петр, возвещавший Евангелие жителям Рима. Вот этот рассказ и был записан — не как мемуары, а как свидетельство веры. Потому что Петр и другие ученики открыли во Христе то, чего не было ни в одном пророке, ни в одном учителе. И это стало нашим вторым Евангелием.

У апостола Павла был спутник по имени Лука, единственный грек из авторов Нового Завета. Он был врачом и, согласно легенде, также художником. Вероятно, молодым человеком он присоединился к Павлу и в 51 г. первого столетия впервые вступил вместе с Павлом на европейский континент. В Европе проповедь Евангелия началась именно с этого времени, если не считать Рима. Лука неоднократно путешествовал с Павлом; он бывал и в Палестине, он знал многих апостолов, знал предания древней Иерусалимской церкви — первоначальной христианской Церкви. И уже в пожилые годы он написал свое Евангелие и «Деяния апостолов», главным героем которых является Павел.

А сейчас мы подойдем к самому таинственному Евангелию — Евангелию от Иоанна. Оно полностью отличается от первых трех — по стилю, по языку, по характеру мышления. Это драгоценно, потому что человек иного склада, иной духовной закалки увидел Христа своими глазами. Согласно преданию, этим человеком был любимый ученик Иисусов — Иоанн, сын Зеведеев, тоже рыбак из Галилеи. Современные ученые считают, что это Евангелие написал не лично Иоанн, а что он постоянно рассказывал его, и в его кругу, так сказать, в его школе, оно и было записано. В любом случае это Евангелие очень древнее; есть прямые доказательства того, что автор прекрасно знал страну до ее опустошения римлянами в 70 г., после падения Иерусалима.

Итак, четыре Евангелия. О чем же они говорят? Они говорят о тайне Того, Кто был Сыном Человеческим на земле и явил Себя Сыном Божиим. Мы с вами уже говорили о том, что в древности, в Ветхом Завете, понятие «сын человеческий» было двойственным. Оно означало и просто смертного человека, и одновременно некое таинственное существо, которое грядет в мир, чтобы обновить его. Вот почему Иисус Назарянин предпочитал Себя называть *Бар эна'ш*, что означает на арамейском «Сын Человеческий».

Остается тайной, как прошла Его жизнь в Назарете. И вы, наверняка, уже слышали, а некоторые из вас задавали мне вопросы о том, не был ли Он в это время на Востоке, в Индии (а теперь уже и Японию прибавляют, правда, в другом контексте). Могло ли быть такое? Вы знаете, у людей есть таинственная особенность: всем хочется, чтобы Христос одновременно родился в разных местах. В Америке есть такое движение мормонов, или христиан последнего дня. В своей книге они утверждают, что в то время, когда Христос родился и жил в Палестине, одновременно таинственным образом Он явился в Америке и создал новое движение. Нечто подобное рассказывали и в Японии. И, наконец, так называемое «Тибетское Евангелие» говорит о том, что Христос приходил в Тибет и в Индию. Достоверность «Тибетского Евангелия» ничтожна, там полно анахронизмов. Это позднее произведение, конечно, апокриф. Возможно, Христос и мог быть там. Но это не имеет никакого значения хотя бы по одной простой причине. Великие культуры Востока, в частности индийская, имели свои особые, специфические философские идеи — и ни одна из них

не отразилась в проповеди Христа. Ни одна. Среди этих идей я могу назвать хотя бы две: *ахимса,* что значит неубиение (вегетарианство). Христос этого не требует. И вторая — перевоплощение, специфическая индийская концепция. В Евангелии этого нет. Кроме того, сами форма, фразеология, стиль Евангелия связаны только с Ветхим Заветом — не с греческой и не с индийской традициями. Таковы факты истории. Для каждого непредубежденного человека это очевидно.

Но тайна Христа вовсе не в том, что Он Сын Своего народа, времени и века. Тайна Христа в том, что Он обращается к каждому человеку. Здесь мы видим соприкосновение двух измерений бытия. Учитель ли Он? Да, Учитель. Но это совершенно особенный Учитель, ибо Он пришел тогда, когда Ветхий Завет, эта священная книга, почиталась как «Слово Божие», и Он Сам называл ее священной. А что же сделал Он?

Он говорил так: «Древним сказано — не убий. А Я говорю вам, что и гнев является грехом». То есть Свое Слово Он ставил наряду с Писанием и выше Писания.

В Ветхом Завете ради того чтобы оградить общину от влияния язычников, была создана сложная система пищевых запретов. Христос говорит: не то, что входит в человека, его оскверняет, а то, что исходит из него, — злоба, ненависть, коварство — все это в человеке и из него исходит. Те ритуальные запреты, которые тогда существовали, Он считает вчерашним днем. То есть Он поступает со Словом Божиим как господин, как Владыка, имеющий право это слово менять: *А Я говорю вам*...

Да, у Него человеческий лик и характер. Мы можем заметить в Нем целый ряд удивительных особенностей, но они вполне земные. У Него есть друзья. Он особенно любит Своего ученика Иоанна. Он очень любит семью Лазаря и его сестер. Он не относится ко всем одинаково, как бы безлично. У Него удивительный взгляд; когда будущие апостолы ловили рыбу, Он подходит к ним и говорит: «Оставьте все, следуйте за Мной». И сказано: они тотчас — тотчас! — оставили все и пошли. Несколько раз евангелист Марк подчеркивает силу Его взгляда. Иногда Он тяжко вздыхает, когда чувствуется, что Он преодолевает человеческую косность. Ему не чужды парадоксы речи. Кто это сказал, что легче верблюду пролезть в игольное ушко, чем богатому войти в Царство Божие? Кто это сказал про фарисеев, что они отцеживают комара и проглатывают верблюда? Кто это сказал, что самое маленькое зерно вырастает в самое большое дерево? Это Его слова, это Его индивидуальный стиль речи. Если вы вчитаетесь в текст Евангелия (я думаю, что оно скоро уже будет доступно многим), вы можете почувствовать там яркую, лаконичную, образную, насыщенную метафорами речь, которая сразу узнается. «Истинно, истинно говорю вам» — *Аминь, аминь глаголю вам,* как в славянском переводе. *Аминь* — это значит «точно». Это Его оборот. Его речь всегда определенна, колебаний никогда нет. Он меньше всего похож на булгаковского Иисуса, Иешуа га-Ноцри. Ничего общего, кроме имени и смертной казни через распятие, там нет. Тот — такой милый фантазер, бродячий философ. Христос всегда говорил как власть имеющий. Он ни у кого не спрашивал совета.

Но от земной силы и земной славы Он отказался. Более того. Тот знаменитый момент, отмеченный всеми четырьмя евангелистами, когда Иисус идет по морю, — что это было? Это было бегство от короны! Бегство от земной славы. Он был заперт толпой, которая хотела насильно сделать Его царем. И вот спускается ночь, и Он, не имея возможности уйти от этой толпы, отправляет учеников вперед, а потом уходит на гору, незаметно спускается к морю и настигает учеников, идя по воде.

Когда Он стоит перед лицом неправедных судей, Синедриона и Пилата, Он почти не говорит с ними. Он почти не оправдывается, потому что Он знает, что для них нет истины. Она их не интересует. Ведь Пилат, спрашивая: «Что есть истина?», произнес это риторически, как бы заранее зная, что ответа нет, что никакой истины нет.

Один раз в Евангелии от Иоанна сказано, что Христос устал; Он сел у колодца, потому что Он утомился — знойный день, долгая дорога. Но на самом деле мы видим Его могучим — Он постоянно проходит по много километров, ночуя иногда под открытым небом, не имея где преклонить голову. Напряженная борьба, трудническая жизнь могли быть только у сильного человека.

И вот образ Его прорисовывается все четче. Бесконечная доброта, бесконечная открытость к людям — но никакой сентиментальности, никакого компромисса со злом!

У Булгакова Иешуа га-Ноцри говорит: «Все — добрые люди», «добрый человек» и прочее. Христос же говорит, обращаясь к власть имущим: «Змеи! Змеиные отродья!», а Ирода он называет «шакалом», «лисицей». Он мог быть очень резким и очень суровым: «Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры». Он бросал слова обвинения самым авторитетным духовным кланам и группировкам.

Я всегда напоминаю людям, читающим Евангелие, замечательные слова Гилберта Честертона о том, что Христос не был бродячим проповедником. Совсем иначе было бы, если бы Он бродил по свету и растолковывал истину. Его жизнь была скорее походом. «На суд Я пришел в мир, — говорит Он, — Ныне суд миру сему».

Что же Он открывает для человека? «Заповедь новую даю вам — любите друг друга, как Я возлюбил вас... Кто хочет за Мной идти, отвергни себя», «отдай себя» — так тоже можно перевести. «Возьми свой крест (то есть свое служение людям) и тогда иди за Мной».

Ученики долго Его не понимали. Им казалось, что Он действительно, как Помазанник, Мессия, должен воцариться над миром. Люди так любят земную силу и земную славу. Но Он от этого отказался. А как Ему, наверное, было горько в тот момент, когда они в последний раз приближались к Иерусалиму и ученики начали делить, кто где будет сидеть у Его престола, когда Он станет Царем. А Его через несколько дней ждало лобное место... И тут можно спросить: а почему же Он к Себе таких учеников привлек, которые так плохо Его понимали?

А как вы думаете? Если бы Он собрал великих мудрецов, людей железной воли, твердости, бесконечного мужества, высокого образования — не имели бы мы право тогда сказать: «Конечно, то были апостолы, то были титаны; а мы кто, мы — муравьи»?

Поэтому Он взял обыкновенных, простых людей, рядовых, таких, как мы, которые могут и испугаться в критическую минуту, и поколебаться, и ошибаться могут. Евангелисты подчеркивают эту особенность апостолов. Все они рассказывают об отречении Петра, о предательстве Иуды, о бесконечных вопросах учеников, которые показывают, насколько превратно они вначале понимали Его служение и слова. Раз это были обычные люди, у нас уже нет права говорить, что они титаны. Титанами сделала их вера и Дух Божий. А были они простыми людьми, «не книжными и простыми», как говорит апостол Лука. Это не значит — неграмотные: в Иудее грамотными были практически все, с детства людей учили читать и писать. Но — «не книжные и простые», и по характеру многие из них были порывистыми и неустойчивыми, как все обыкновенные люди.

Христос открывает великую тайну: в Ветхом Завете Бог указал людям на то, что такое грех, что такое зло, — а дальше надо идти к величайшему добру. Основа этого, как Он Сам говорит, — тоже в Ветхом Завете. главные заповеди Писания — «Возлюби господа Бога твоего и ближнего твоего как самого себя». Из этого и вырастает евангельская мораль: мораль любви, отдачи — потому мораль счастья. Тот, кто любит, тот счастлив. Кто отдает себя, тот счастлив. Кто живет для себя, тот несчастлив.

Могли ли быть счастливы Иван грозный, Сталин, Берия? Да какие же это счастливые люди? Это уроды; и, конечно, они были несчастны. А человек, который живет для других, находит особое, несокрушимое счастье. Но вы скажете: да, это прекрасное учение, прекрасные слова, но ведь в Ветхом Завете уже было сказано о любви к ближнему, как к самому себе, о любви к Богу и еще некоторые великие вещи. Что же тогда заключается в Евангелии? Вот это-то и есть, друзья мои, опровержение того взгляда, будто Евангелие сводится к этике, сводится только лишь к морали. Оно имеет и другое, более глубокое содержание.

Иов, герой библейской ветхозаветной книги, страдал от того, что он невиновен перед Богом, но терпит от Него, что Бог несправедлив к нему, и вызывал Бога на суд, но когда Тот явился ему, он пал перед Ним и сказал: «Я о Тебе только слышал, а теперь я Тебя вижу», — и все разрешилось.

Так человечество всегда хотело прикоснуться к Священной Тайне, прикоснуться, чтобы обрести жизнь в ее полноте. Поэтому учили мудрецы, поэтому изводили себя индийские аскеты, поэтому ученые пытались прочесть в звездах и в законах природы ответ на эту волнующую,

единственную, самую важную загадку. Платон говорил: «Трудно постичь Отца всяческих». А поскольку люди всегда чувствовали, что они потому лишь братья, что у них есть Отец, и жизнь их потому имеет смысл, что она к какому-то небесному смыслу привязана, — поэтому ученики спросили однажды у Иисуса: «Покажи, яви нам Отца Небесного. И этого будет нам довольно, нам больше ничего не нужно». И это, пожалуй, говорит Ему все человечество: «Покажи нам Отца». И Он отвечает, как и тогда Он ответил Своему ученику Филиппу: «Сколько времени Я с вами, Филипп, и ты не узнал Меня. Видевший Меня видел Отца».

Тем самым Он открывает тайну, которую Символ веры выражает греческим словом *омоусиос* — единосущный Отцу. Он Сын Его не в том человеческом смысле, который мы употребляем, а в смысле глубочайшего онтологического, бытийственного причастия. Сын — значит плоть от плоти. И поэтому Символ веры говорит: *Света от Света, Бога истинна от Бога истинна*. Как пылающий костер, если от него зажечь ветку, не уменьшится от этого, но будет новый огонь, свет от света. *Бога истинна от Бога истинна, рожденна, несотворенна, единосущна Отцу*. Единосущного. Не человек единосущен Отцу, а только Он, Единственный.

Все великие святые сознавали себя грешниками. Просмотрите все биографии, жития. Недавно переиздали «Исповедь» бл. Августина — гениальная, великая вещь. Этот великий человек клянет себя, клеймит, кается. Как говорит одно православное сказание, святые видели свои грехи как песок морской. И это понятно, потому что при ярком свете всякая пылинка видна. *Единственный* в истории, Кто никогда не говорит о Своих грехах, — это Иисус Назарянин. Он — Единственный, Кто никогда не смотрит на истину снизу вверх. Будда — основатель буддизма — постигает истину путем длительных размышлений, он годами упражняется, годами ждет просветления, он как бы штурмует Небо. Ничего подобного в личности Христа нет. Он приходит с этим.

Он относится к нам, как Небо к земле. Он — голос Вечности, который начинает звучать в мире. Потому что безмерное не может говорить с ограниченным, потому что Божественное подавляет человека. Вот вам литературный пример: когда Фауст вначале вызывает духа земли и пылающий дух земли оказывается перед ним, Фауст падает замертво — он не может перенести явления этого духа. А ведь это только дух земли. И мы можем это понять. Когда смотришь на бесконечное небо, когда смотришь на огромные пространства — иногда живые, иногда мертвые (я переживал это в горах и в тайге) — человек в этом безмерном теряется, как пушинка. А уж про космос не приходится и говорить. Кто такой человек, со своими машинами, аппаратами, когда он вращается вокруг своей маленькой Земли?

У Вечности не может быть имени, она бесконечна, безгранична. Поэтому и Бог в Ветхом Завете говорит, что Он — Огонь поядающий. И когда Он говорит через пророков, Дух временно овладевает пророками, а потом они приходят в себя и даже противятся тому, что Бог им говорил. Это подобно тому, что писал Пушкин: «Но лишь божественный глагол до слуха чуткого коснется...» Помните: «пока не требует поэта к священной жертве Аполлон», он, поэт, — обычный смертный.

И вот здесь происходит то, что связывает Бесконечность с конечным. «Я возвещаю вам великую радость»: родился Тот, Кто будет говорить с вами, Кто становится ребенком, юношей, взрослым человеком, Кто трудится Своими руками, Кто приходит к людям, Кто живет с ними, Кто ест и пьет с ними, Кто до тридцати лет проводит жизнь обычного человека — самую обыкновенную, незаметную жизнь. Не нужно Индии, не нужно гималаев — есть маленькая хижина, где Он работает, согнувшись над верстаком. Вот Его Назарет, вот Его тайная жизнь — столь тайная, что даже соседи думали, что Он всего лишь плотник, и когда Он стал проповедовать, они решили, что Он обезумел.

И тогда Он начинает говорить — сначала как Учитель, а потом все более и более приближаясь к главному. Он говорил вещи странные, вызывающие, которые коробили ортодоксов, тех, кто считал, что они поставлены охранять церковные правила.

И вот наступает момент в Его жизни, когда они ополчаются на Него. Он уходит из страны, уходит в Ливан, ходит там не узнанный никем и, возвращаясь, однажды спрашивает учеников: «За кого Меня почитают люди?» И, как вы помните, они отвечают: «За пророка», а Петр говорит: «Ты Христос, Сын Бога Живого...» Вот здесь основа христианского исповедания. Поэтому Петр назван камнем, фундаментом, на котором строится Церковь.

А второй фундамент — Его победа над смертью. Нужна ли, необходима ли была Его смерть? Он постоянно говорил о том, что так должно было свершиться. Почему? — спросите вы. Как сказано в одном из посланий: почему, вместо предлежащей Ему радости, Богочеловек встретил на земле страдание? Потому что мир, как говорит нам Библия, во зле лежит. И если Божественное, светлое и прекрасное приходит в этот мир, к нам, и соприкасается с нами, оно не может не страдать. Страдания Христа, Его искупительные страдания начались не ночью в гефсиманском саду, не на голгофе, а в ту ночь, когда Он родился. Он страдал каждый день и каждый час, живя с людьми. И однажды у Него даже вырвался вздох: «О, род неверный и развращенный, доколе буду терпеть вас! Доколе буду с вами!» Его страдание было нужно нам — потому что либо Он приходит к нам и страдает, либо Он освобождается от страданий, но уходит от нас.

Христианство становится богочеловеческой верой. Не трепетом человека перед Богом и не гордым восстанием, а союзом, новым союзом — Новым Заветом человека с Богом. И когда Иисус умирает на кресте, оставленный всеми, то есть переживший все и выпивший чашу унижения, предательства, злобы, несправедливости, жестокости до дна, — Он как бы впитывает в Себя все зло мира. Недаром пророк за несколько веков до Него говорил: «Он был изъязвлен за грехи наши, и мучим за беззакония наши, наказание мира сего было на Нем, и язвами Его мы исцелились».

И вот Он похоронен. Это полное крушение, конец всему. И никакой историк, никакой ученый не может проникнуть в эту тайну. Историк знает лишь одно: горсточка обезумевших от страха людей, которая вчера еще, запершись, боялась пошевелиться, вдруг выходит на площади Иерусалима и возвещает всем: «Христос воскрес! Он жив, Он явился всем нам, Он послал нас проповедовать Евангелие всему миру». Быть может, они сошли с ума? Быть может, у них была галлюцинация? Быть может, они приняли желаемое за действительное? Если бы это было так, то из такой чепухи, из таких эфемерных временных явлений не могло родиться могучее древо христианства, не могло получить начало то течение, та мощная река, которая до сих пор течет вопреки всем порогам, камням и препятствиям.

Апостол Павел говорил знаменательные слова, и говорил их, опираясь на опыт: «Иисус Христос вчера, сегодня и завтра Тот же».

Христос не оставил нам ни одной написанной строчки, чтобы мы не обоготворяли букву. Он не оставил каких-то скрижалей, знаков — ничего не оставил. Но Он сказал: «Я буду с вами во все дни до скончания века».

Вот где источник силы Церкви. Вот где источник силы христианства.

Он действительно живет с нами и в нас, и вовсе не потому, что христиане — какие-то особо хорошие люди. Так же как и апостолы, мы слабые люди. Но Он обладает Своей великой силой, которая совершается в немощи.

И если иные учения уводят человека от мира, иные делают человека добрее, а иные делают его мудрее, концентрированнее, сосредоточеннее, то здесь — не учение, здесь — Завет, живая связь с Богочеловеком. История становится богочеловеческой, и все временное сочетается с вечным. В этом феномен Евангелия.

И если бы мы из Символа веры убрали и начало, и, может быть, даже конец, он бы все равно остался Символом веры.

Первоначально людей крестили во имя Иисусово — и только, потому что через Него открылся Отец Небесный, Творец, и Дух Божий. Символ веры прибавляет слова, не совсем понятные нам: *Имже вся быша*, то есть через Него все было создано. Это особая тайна, она относится не к земной жизни Христа, а к Его запредельной, трансцендентной, таинственной сущности. Об этом мы поговорим с вами в следующий раз.

Беседа четвертая*

Сегодняшняя тема в каком-то смысле узловая, потому что, как я уже вам говорил, первая часть Символа веры о Творце мира — общая у нас с иудаизмом, исламом и другими монотеистическими религиями. А специфика христианства начинается со второго раздела — с веры в Иисуса Христа. Потому-то мы и называемся христианами — не просто верующими, а христианами, — что для нас высшее Откровение осуществляется в личности Иисуса Христа.

Я уже говорил вам о том, что означает Его имя Иисус — это историческое, личное, человеческое имя. Потом мы с вами говорили, откуда происходит слово *Христос*, что значит *помазанник*, царь, мессия. Окинули беглым взглядом более пятнадцати веков ветхозаветной истории и подошли к самому важному.

В чем заключался смысл ветхозаветного провидения? В том, что мир не статичен, мир имеет историю, мир имеет цель, мир движется к высочайшему Откровению Бога. Этого не знала ни одна из великих религий мира. Все они так или иначе представляли себе бытие в принципе неизменным. И вот пророкам открылось, что бытие — как стрела, пущенная в некоем направлении, что полнота Божиего присутствия — это не данность, а некая цель. И поэтому они говорили о Царстве Божием. Ибо сегодня Бог не царствует полностью. Совершается физическое и нравственное зло. Смерть и преступление — это не есть царствование Бога, это есть царствование стихий и злой воли человека. Царствование Бога означает полную реализацию Его благих замыслов. Древний основатель ветхозаветной Церкви Авраам принял Бога как благо, и Моисею Он открылся как многомилостивый (по древнееврейски *рав рахами'м* значит «полный милосердия», полный любви и сострадания к миру). А в мире не это совсем осуществляется. Отсюда вывод, что Царство Божие есть нечто ожидаемое, грядущее. Но для этого должно было произойти высочайшее Откровение Бога миру, так чтобы Он Своей абсолютной непостижимой Личностью соприкоснулся с личностью человека. Это казалось немыслимым, казалось невместимым! Как может человек — смертный человек, ограниченный человек — познать бессмертное и безграничное? И вот это происходит в опыте пророков. Но их опыт заключался не только в том, что через них Бог говорил миру, и не только в том, что Он открывал Свою волю и открывал им нравственный закон как форму служения Всевышнему; этот опыт давал им также возможность увидеть грядущее, увидеть приближающееся явление Сущего.

В книге пророка Исайи мы читаем: «О, если бы Ты разверз небеса и сошел!»

Это напряженное ожидание, что Бог придет в мир, что Он откроется миру, что Он принесет миру Свое величайшее Откровение, когда все народы притекут к Нему, — оно либо не осуществилось и было иллюзией, обманом, либо осуществилось. Но если оно осуществилось, то мы знаем, где и когда.

Сколько бы мы ни просматривали историю, свершившуюся на Земле с тех времен, когда жили пророки, сколько бы ни было великих мудрецов, подвижников и святых, мы находим только одну-единственную Личность, в Которой это Откровение действительно реально осуществилось.

Он — единый, так учит нас Символ веры. Единый господь Иисус Христос.

Он — Сын Божий. Что это означает? Разумеется, когда мы говорим о Непостижимом, о Божественном, мы употребляем земные, человеческие термины. На человеческом языке *сын* — это тот, кто рожден от отца. Мир, Вселенная, человек не рождены от Бога, они Им созданы. Из небытия Бог дал им бытие — не из Себя, а как бы из ничего. На небытии Он построил бытие. Это очень важный момент. И в нашей Литургии, в Литургии Василия Великого и в Литургии Иоанна Златоуста, повторяются великие слова: «Ты из небытия в бытие всех привел». Логическая пропасть, духовная пропасть, реальная пропасть лежит между созданным, тварным — и Абсолютным, Божественным.

И для того чтобы эта пропасть была перейдена, необходимо Откровение Божие, необходим какой-то шаг.

Если мир — это творение Божие, то явившийся в мир Иисус Христос — это не Божие Творение. Он *родился* от Бога. Родился в глубинном, мистическом, таинственном, божественном смысле. В Библии (как и вообще в восточных языках) слово *сын* означает «причастный», непосредственно причастный. Человек, который внушал надежды, назывался сыном надежды. Человек, исполненный греха и зла, назывался сыном погибели. гости на брачном пиру назывались сынами брачного чертога. Ученик пророка (и сам пророк) назывался сыном пророческим. То есть понятие *сын* обозначало не просто рождение по плоти, а духовную внутреннюю причастность. И когда Евангелие от Марка — самое древнее, как полагают историки, — говорит об Иисусе Христе Сыне Божием, оно открывает нам великую тайну: этот земной человек, который разделил с нами рождение и смерть, страдание и усталость, чувство голода, сострадание, радость и печаль, — Он одновременно принадлежит миру Божественному. Он не сотворен, а рожден от Высшего. «Я и Отец — одно», — говорит Он. И это не просто одно из излияний Бога, а нечто уникальное в своем роде. Поэтому — *Иисуса Христа, Сына Божия, Единороднаго, Иже от Отца рожденнаго прежде всех век*. *Прежде всех век* — означает, что это рождение не есть событие во времени, что когда-то Его не было и когда-то Он возник. *Прежде всех век* — то есть тогда, когда не было времени, когда слова «до» и «после» не имели смысла. Рождение происходит вечно, вне времени.

Конечно, это величайшая тайна, но тайна, связанная с тем, что Бог есть Любовь. Не просто любовь к кому-то, хотя бы к своему творению. Он есть Сама Любовь, реализующая себя внутри. Для того чтобы почувствовать тайну Божественной любви, вспомните икону Рублева «Троица», где трое сидят за столом и ведут молчаливую беседу. Единство связывает Их; Они — трое, но одновременно Они — одно. Сокровенное, непостижимое, безусловное и абсолютное.

Бог не может быть назван ничем — ни Творцом, ни Создателем, ни Разумом, — ничем, потому что все в Нем скрыто в глубине и превосходит нашу мысль. Но в тот момент, когда Творец создает мир, Он выходит из Своего тайного для нас Бытия, Он становится Богом действия, Богом-Словом. «В молчании Бог произносит Свое слово», — говорит один из средневековых мистиков. Слово Божие в Библии обозначает одновременно действие Божие.

Древнееврейское *давар* и древнегреческое *логос* означают и разум, и смысл, и деяние одновременно. Когда Бог действует, действует Его Слово, Его второе *Я*, второе Божественное *Я*. И Оно уже постижимо для нас в большей степени, потому что второе *Я* Бога — это и Творец, это и Любовь, и многое другое. Поэтому, когда Сущий творит, Он творит через Свое Слово. Поэтому в Евангелии сказано: «В начале было Слово». Это начало не во времени. «И Слово было у Бога. И Бог был Словом. И через Него все создано», — говорит апостол Иоанн, и Символ веры повторяет: *Имже вся быша*, то есть через Него все стало существовать. Когда Логос в мировом сверхбытии рождается вечно, через Него возможно все остальное в мире.

Составители Символа веры, Отцы Церкви, зная, что для многих людей казалось более понятным, рассудочно более объяснимым, через здравый смысл более прозрачным представление о том, что было время, когда не было Логоса Божиего, подчеркнули, что Он — *омоусиус* (по-гречески это означает «единосущный») Отцу. Это не другой Бог, это не низшее по отношению к Творцу существо, это тот же Бог, единый по существу.

И это постигается через символы, через образы. Недаром гегель говорил, что наш Символ веры изложен не в умозрительной, не в теоретической, не в отвлеченной форме. *Света от Света, Бога истинна от Бога истинна, рожденна, несотворенна, единосущна Отцу*. В чем заключается этот образ? Когда горит огонь и мы зажигаем от него другой огонь, то первый не убывает, и оба они принадлежат одному огню. Вот что означает *Света от Света.* Оба огня, оба костра, когда один зажжен от другого, представляют собой одну огненную Божественную природу. Точно так же рожденное в недрах Божественного Бытия Слово принадлежит природе Бога. Это очень трудно было вместить людям. И на протяжении нескольких столетий возникали учения, которые пытались это как-то изменить. Долгая борьба, которая велась вокруг Вселенских Соборов, показывает, насколько это действительно трудно вмещалось людьми.

Что же не вмещалось? Не вмещалась и вторая тайна Христа: что в Нем не только Божественное начало, но и человеческое. Вот последовательно идущие отступления от

христианской веры. Арианство. I Вселенский Собор был созван в 325 г. в борьбе с александрийским учителем Арием, который говорил, что Логос когда-то не существовал. Потом возникает учение о том, что Христос был человеком, на которого просто сошел Дух Божий. Тем самым Бог и человек разделяются во Христе. Так думали люди, которые группировались вокруг константинопольского патриарха Нестория. (Впрочем, сам Несторий, может быть, не очень был в этом повинен.)

А потом иные люди — православные, чтившие Христа высоко, — отодвинули Его человеческую природу и сказали, что в Нем была только одна природа, Божественная, а человеческое в Нем — это что-то такое второстепенное, маловажное. Между тем, для Церкви это не просто немаловажно, это центрально — то, что Он один из нас! Он не призрак, Он не какое-то божественное видение. И Священное Писание подтверждает, что Он был подлинным человеком и что подлинным Богом остается перед нами.

И, наконец, после этого монофизитского учения, отвергнутого на Халкидонском (IV Вселенском) Соборе в 451 г., возникает более тонкое учение, монофелитское. греческие богословы пытаются доказать, что Христос был и человеком и истинным Богом, но воля у Него была одна — воля Божественная. Но как же можно так считать? А разве не молился Он в гефсиманском саду перед смертью? Разве не молился Он Отцу: «Да минует Меня эта чаша»? Значит, Его человеческая воля сопротивлялась тому, на что Он шел, и была борьба внутри. Значит, нельзя считать, что у Него была только одна Божественная воля. Значит, Он уникальное существо, полностью человеческое и полностью Божественное. И спасение, приобщение к высшей жизни, к нам пришло через Того, Кто одновременно принадлежит двум мирам. Вот в чем сущность исповедания о Христе в Символе веры. Почему главная книга христиан называется Радостной Вестью, по-гречески Евангелием? Потому что это весть не о том, что нас спас какой-то ангел или какой-то обитатель космических миров, или какое-то высшее существо, а о том, что спасти нас пришел Сам Создатель, Сам Творец в лице Божественного Логоса. «В мире был, и мир Его не познал, — говорит евангелист. — Но свет во тьме светит, и тьма его не объяла».

Свет Христов светит в мире. Человек всегда стремился расширить свою душу, ему всегда было тесно в своих рамках, он хотел слиться с толпой, с народом, с природой. В этом стремлении есть что-то великое (хотя есть и отрицательное). Великое потому, что мы с вами гораздо более таинственные и объемные существа, чем нам кажется. И нам действительно оказывается тесно в этих рамках — только индивидуальных. Человек стремится к соборному охвату — и братьев, и сестер, и природы. И прежде всего человек стремится соединиться с Богом, слиться с Божественным — во всех формах.

Может быть, некоторые из вас читали американского поэта Уитмена, который думал, что он постиг Божественное, растворяясь в дыхании прерий, чувствуя себя единым с травой, которая растет под ногами, с облаками, которые несутся по небу. Многие люди, переживая слияние с природой, чувствуют, что в них происходит что-то священное, что-то необыкновенное и яркое. Быть может, многим из вас такое чувство знакомо. Какие это особые моменты! Слияние с красотой, слияние с полнотой жизни в глубоком священном молчании. Многие произведения поэтов, живописцев, писателей говорят об этом. Есть строки из «Войны и мира», которые вам всем хорошо знакомы. Есть стихи множества, множества поэтов, которых я не буду даже перечислять. Единство со всем. У Флобера есть философская драма «Искушение святого Антония»; мне кажется, она не очень удачная, но там есть такой эпилог: этот пустынник, подвижник, который боролся со страстями в своем сердце, вдруг чувствует, что вся природа вошла в него, что он летает вместе с птицами, что в нем живут и развиваются все существа, что в нем дышит вся Вселенная. Это чувство не случайное. И, разумеется, мистики древней Индии, мистики Ирана, суфии и множество мистиков всех времен и народов жаждали этого слияния. Рассказывали такую притчу (кажется, она индийского происхождения) — о том, как жила на свете некая одухотворенная куколка, фигурка. Но ее плоть состояла из соли. Она все время хотела узнать, что такое море, что такое океан. И ей сказали: ты можешь это узнать только войдя в его воды. И вот она вошла в воду и стояла там, и постепенно соленые морские воды ее омывали, и она познала океан, только полностью в нем растворившись. От нее ничего не осталось, но она растеклась в соленых просторах морских вод.

На первый взгляд кажется, что эта жажда растворения присутствует и в Библии. В 41-м псалме сказано: «Как олень стремится к источнику, так душа моя стремится к Тебе, Боже». Но на самом деле человек ветхозаветных времен отдавал себе отчет в том, что прикоснуться можно только к сиянию Бога, к тому, что в Библии называется *Каво'д* — Слава Божия, то есть излучение Его, растекающееся по всей Вселенной. Но это не Он, это только корона Его, как бывает корона на Солнце. (Когда бывает затмение Солнца, вокруг него возникает корона; это не Солнце, а аура вокруг него.) А с самим Богом слиться человеку нельзя. Когда пророк Исайя увидел Славу Божию, он сказал: «Я должен умереть, потому что я видел лицо Бога» — лицо в условном смысле. Вот как понимал Ветхий Завет встречу с Богом. Встреча — да, послушание — да, любовь — да, конечно, ибо первейшая заповедь Ветхого Завета говорила: «Возлюби господа твоего всем сердцем твоим, всем помышлением твоим». Но также говорит господь у пророка Исайи: «Как небо далеко от земли, так Мои мысли далеки от ваших мыслей». Это очень важное место, оно звучит, как гром, в Священном Писании. Потому что все народы — особенно на Востоке, но и на Западе, в Вавилоне, в греции, в Египте — представляли себе богов человекообразными или, по крайней мере, природообразными. Поэтому большинство изваяний и фресок, кто бы это ни был — Осирис, Зевс или вавилонский Мардук, всегда изображали человека. А в Библии мы слышим грозный и суровый голос Творца: «Я Бог, а не человек». И вот только тогда, когда Бог Сам приближается к нашему бытию, когда Он входит в нашу жизнь, когда Он становится для нас человечным и близким, — тогда возможно слияние. Только тогда.

Вот почему апостол Павел учит нас, что спасение, то есть приобщение к Богу, возможно только через Иисуса Христа. И вера в Иисуса Христа означает слияние с Ним, принятие Его в сердце, означает, что мы вместе с Ним. Апостол говорил: «Я сораспялся Христу»; то есть мы вместе с Ним страдаем, вместе умираем, вместе можем воскреснуть. Таким образом, человечность Бога открывается через Богочеловека. И Богочеловек уже не провозглашает той страшной и грозной истины: «Я Бог, а не человек». Он говорит: «Я человек, Я ваш брат».

Человеческое лицо Бога — вот что такое *Света от Света, Бога истинна от Бога истинна, рожденна, несотворенна, единосущна Отцу, Имже вся быша*. Это Бог для нас, это Бог наш, это то Лицо Бога — как мы говорим, второе Лицо Святой Троицы, — Которое обращено к человеку, к твари, к мирозданию, Которое и приходит к нам во имя любви.

В Евангелии от Иоанна мы читаем: «Так Бог возлюбил мир, что отдал Сына Своего Единородного, чтобы каждый верующий в Него не погиб, но имел жизнь вечную». Значит, в глубинах Божественного бытия лежит величайшая любовь к творению, и Бог приходит в наш мир. Мы говорим «нисходит», потому что тот мир — высочайший, непостижимый. Он приходит в наш обычный мир, в повседневный мир для того, чтобы нас приобщить к Себе. Не знающий страдания познает страдание, не знающий ограничений становится ограниченным в пространстве и времени, Всемогущий ограничивает Свое всемогущество. Вы помните стихи Пастернака:

Он отказался без противоборства,
Как от вещей, полученных взаймы,
От всемогущества и чудотворства,
И был теперь как смертные, как мы.

Да, во время короткого периода Своего земного служения Христос проявлял как бы высшие Свои тайны: исцелял людей, мог совершать иные чудеса, — но Он сам же сказал, что это не есть знак Его Божественности, Он сказал: «Вы, ученики, будете совершать большее». Человек может делать все это, когда дух его находится под воздействием Божиим. А Божественность Христа проявилась в чем-то непостижимом, в том, что мы увидели в Нем Славу Божию, явление Творца.

Но тогда у многих из вас может возникнуть вопрос: почему же это явление не было каким-то торжественным, космическим, почему Сын Человеческий и Божий не явился среди людей при звуках небесных громов и каких-то космических знамений, чтобы все они постигли Его силу и

славу? Здесь возникает центральная проблема христианской жизни, этики и учения, связанная с тайной свободы.

Человек подобен Богу, а значит, он свободное существо. Он не хочет быть свободным, он противится свободе, он бежит от нее, но это его природа; он может ее исказить, унизить, но именно свобода делает его богоподобным. А раз свобода, значит, никакого принуждения, значит, никакого насильственного явления, которое заставило бы людей отступить в страхе и бессилии.

Любое чудо Христово можно было истолковать как-то иначе. говорили, что Он научился колдовству, фарисеи говорили, что Он изгоняет болезни с помощью бесов. Так и должно было быть, и Иисус недаром говорит нам, что если и мертвые воскреснут, не поверят. Почему? Потому что вера есть готовность духа слушать Его, открыться Ему. Вера — это полет души навстречу Богу. Если этого нет, то все становится одномерным, костенеет, умирает, голос Божий не слышен. Потому что вера есть богочеловеческая тайна. Хотя она дается нам как некий дар, но этот дар мы должны уметь принять. Ведь без принятия со стороны человека она не реализуется. Этому учит нас вся Священная история, вся Библия и весь многовековой опыт Церкви: нужно принятие. И вот для того, чтобы это принятие было добровольным, посланник Неба, Бог, явившийся во плоти, должен был прийти без знаков земного величия. Вот почему уже пророки предчувствовали, что Он придет, действуя только силой духа. А в книге пророка Исайи, в 53-й главе мы находим образ Царя страдающего, изгнанного за правду, униженного перед народами, и цари земные восклицают: «Мы думали, что Он был наказуем и поражаем Богом, а Он взял на Себя грехи каждого из нас».

Он вошел в этот мир, а значит, Он должен был страдать. В нашем мире, в мире падшем, греховном, не страдать нельзя, и чем более совершенна личность, тем больше она страдает. И я уже говорил вам, что голгофа для Христа началась с момента Его рождения, когда Он вошел в наш мир, полный зла. Это соприкосновение со злом было для Него страданием постоянным, всегда. Иногда от этого страдания у Него даже вырывался вздох. Как в Евангелии от Марка: «Он вздохнул и сказал: О род неверный и развращенный! Доколе Я буду с вами, доколе Мне терпеть вас?» Это вырвалось в Нем человеческое чувство. Ему было тяжко, Ему было мучительно. Но вот это и был Его Крест.

И принять Христа люди должны были свободно и добровольно. Когда император Константин сделал христианство государственной религией, принимать христианство стало выгодно, ибо его исповедовал сам император и придворные, — совсем другая ситуация. А Господь Иисус пришел из маленького, никому не известного городка, Он не был поддержан никакими авторитетными школами духовных учителей, Он не имел никаких влиятельных лиц в своем окружении. Он был просто Учителем из Назарета. И надо было услышать Его слова, понять их вещий, вечный, священный смысл, принять Его сначала как учителя, и тогда открывалась Его Божественная тайна.

Недаром Он ученикам ее открыл не сразу, и даже не открыл, а она сама открылась в них, и это было при обстоятельствах удивительных.

Был момент, вы все его помните, когда земная слава пришла к Иисусу: когда Он умножил хлеб и накормил голодных, толпа решила сделать Его вождем своего восстания, провозгласить царем — насильно, даже против Его воли. И Он бежал от них, Он скрылся — настолько стремительно, что пошел по воде, чтобы только уйти от них. Вы все, конечно, помните евангельский эпизод хождения по водам. И многие люди рассуждают: мог ли Он ходить по воде или не мог? Не только Христос, но и некоторые подвижники, святые, даже нехристианские, это могут, есть свидетельства. Но дело совсем не в этом. господь Иисус шел по воде не для того, чтобы демонстрировать кому-то Свою собственную силу, совсем не для этого, — а для того, чтобы толпа не захватила Его насильно. Напомню вам еще раз это известное место. Вечер. Люди встали: «Вот это наш истинный вождь». Он тихо говорит ученикам: «Идите в лодку, садитесь и плывите на другой берег». Они отплывают. А Он как бы остается с народом. Ликующая толпа зажигает костры, спускается ночь. А Он уходит на гору молиться. И вот, когда уже никто ничего не подозревает, Он спускается с горы, стремительно движется за учениками и настигает их, идя по воде. Это была форма бегства. Он скрылся от царской короны — потому что Ему это было не нужно: Ему не нужна была ни земная сила, ни слава — Его слава была в другом.

Когда Ему пришлось уйти из Израиля совсем, Он странствовал по соседней Финикии, современному Ливану. И возвращаясь оттуда, Он однажды спросил учеников: «За кого почитают Меня люди?» И они стали говорить, что за пророка, еще за кого-то. «А вы за кого Меня почитаете?» И Симон Петр за всех ответил: «Ты Христос — Сын Бога Живого».

Что это означало? Это означало: Ты устал, на Твоих ногах и одежде пыль, Ты изгнанник, у Тебя нет не только короны, но даже дома. Птицы имеют гнезда и лисицы норы, а Тебе, Сыну Человеческому, негде приклонить голову. Ты отвергнут религиозными учителями и мудрецами. Над Тобой посмеиваются богатые и власть имущие. Переменчивая толпа судит о Тебе по-разному. Быть может, Ты уже потерпел поражение. Ты был в родном городе Назарете, откуда Тебя изгнали, едва не хотели убить. Ты ушел из прибрежных городов, из Капернаума и Хоразина, которые не услышали Твоего слова. Ты Тот, Кто потерпел поражение, и поражение ужасное. И мы все равно, несмотря на это, принимаем Тебя как Царя, как Мессию, как Сына Бога Живого.

Вот в том-то и заключается подвиг апостола Петра, что он признал в Христе Мессию не в момент Его торжества, хотя бы и временного, а в момент самого горького Его одиночества и отвержения. И поэтому Спаситель сказал ему: «Блажен ты, Симон, сын Ионин, ибо это не человек тебе открыл, а Отец, Который на небесах». (Буквально Он сказал: «Не плоть и кровь»; плоть и кровь в Библии — синоним человека.)

Нас ради человек и нашего ради спасения сшедшаго с небес. Иногда спрашивают: «С каких небес сошел господь, почему Он сошел — разве Бог не всюду?» Я уже говорил вам, что Небо есть величайший зримый символ божественного, бесконечного. Он пришел из бесконечного в конечное, в наше.

И воплотившагося от Духа Свята и Марии Девы и вочеловечшася. Что это значит? Это значит, что Он вочеловечился, стал настоящим человеком, и что Мария Дева является тем звеном в единой человеческой семье, через которое каждый из нас становится родственником, сродником по плоти Иисуса Христа. Иные из вас, кто впервые открывает Евангелие, удивляются, зачем там приводятся эти длинные списки имен. Это родословие Христа, оно дается, чтобы показать Его связь с древними библейскими праотцами и царями, а также чтобы показать связь с нами. Он Тот, у Которого есть человеческая родословная. Он наш брат по крови, по человеческой крови: *воплотился от Марии Девы*.

Я сегодня в конце беседы покажу вам несколько слайдов о Деве Марии, чтобы вы еще раз подумали о Ней. Ее место уникально в церковном сознании, в нашем богослужении, в церковном искусстве. И, конечно, вокруг Нее всегда создавались легенды, сказания. Образ Ее украшался подобно тому, как украшались драгоценностями Ее иконы в старинных храмах Востока и Запада, Москвы, Петербурга и других городов, у нас и за рубежом, будь то Париж или любая другая столица.

Так вот, почему здесь присутствует Дева? Почему Христос должен был родиться от Девы? Подумайте об этом — и вы поймете, что нужна была особенная душа, нужна была исключительная личность, которая призвана была стать Матерью Богочеловека. В своей религиозности, по своему духовному уровню Она должна была превосходить всех людей, живших до того. А значит, Ее горение к Богу должно было быть столь высоко, что немыслимо было бы представить себе, что Она эту Свою любовь к Богу могла делить хотя бы с кем-нибудь, что Она могла принадлежать кому-нибудь кроме Бога.

Мы знаем, что в истории человечества — от первых веков до нашего столетия — было множество великих женщин, которые отдавали всю свою душу людям и Творцу, которые совершали монашеский подвиг до жертвенности, до полной самоотдачи, до смерти. Это великие мученицы, великие подвижницы. Они отказывались от семьи, от дома и даже от жизни, для того чтобы принадлежать господу. Так неужели Матерь Его была ниже их, неужели Ее любовь к Богу, Ее всецелая поглощенность Богом могла быть меньше их любви? Больше, конечно, больше. А если так, то Его рождение неминуемо должно было стать рождением девственным.

Что касается законов природы — тот человек, который мне скажет сегодня, что он знает *все* законы природы, может оспаривать реальность того или иного чудесного феномена. Но боюсь, что

таких людей нет и долго еще не будет; я уверен, что их никогда не будет. Достаточно вспомнить о размерах Вселенной. Следовательно, у нас нет никаких прав ограничивать власть Творца в природе. Младенец рожден от Духа Святого. А что это такое? Дух Святой действует уже в Ветхом Завете. Мы видим, как пророк говорит силой Духа, как на царя, который послан Богом, действует сила Духа; Дух овладевает теми, кто говорит от лица Бога. Это переворот внутри, это совершенно неповторимый опыт. Поэтому при рождении Богочеловека должно было быть особенное воздействие того Духа, Который говорил через пророков, Который входил в человечество уже не раз.

Распятаго же за ны при Понтийстем Пилате — распятого за нас при Понтии Пилате. Почему, для чего заурядный чиновник древнего мира, человек исключительной низости, который многих казнил без суда и следствия, который в течение десяти лет своего правления вызывал одно только возмущение, попал в скупые строки Символа веры? Это не случайно. Тут ничего случайного нет, ни одного слова. Дело в том, что древний мир не знал одного календаря, одного летоисчисления. И в то время, когда создавался Символ веры, единого летоисчисления также не было. Скажем, в Риме вели счет от основания города, в греции считали по Олимпийским играм, на Востоке — по царям и т. д. Поэтому указание на этого человека, на Понтия Пилата, есть указание на точку в истории: что Христос воплотился не в воображении людей, не в мифологическом времени, а в конкретной исторической и географической точке — при Понтийском Пилате, пятом прокураторе Иудеи, который правил Иудеей, как мы теперь знаем, с 27 по 37 г. I в. после Р. Х.

И страдавша и погребенна. Когда мы говорим о страданиях Христа, невольно возникает мысль: разве не страдали мученики, разве не погибали они на крестах, на кострах, не умирали во время пыток? Разве мы не знаем того величайшего мужества, с которым шли на смерть свидетели Христа? Почему Его страдание вызвало у Него содрогание и скорбь смертельную — «Скорбит Моя душа до смерти»?

Исключено, чтобы здесь было просто страдание плоти, исключено даже просто с человеческой точки зрения, даже если мы себе представим, что Иисус Назарянин — это просто человек; давайте тогда подумаем: что же, Он слабее своего последователя Яна Гуса, который шел на смерть не дрогнув, слабее десятков других? Это невероятно. Почему в таком случае не Сократ является величайшим из учителей, а Христос — ведь Сократ умер не дрогнув? Правда, он был уже старым, но вы знаете, что старость не уничтожает неприятия смерти. Мало кому хочется умирать, независимо от возраста. Значит, дело совсем в другом. Надо над этим задуматься.

Страдания Христа — искушение. Потому евангелист и говорит, что сатана оставил Его до времени: он искушал Его в начале Его пути, а теперь искушает снова. И когда Христос говорит: «Пронеси чашу», Он говорит не просто о коротких минутах агонии, не просто о ночи пыток. Если вы хорошенько подумаете, то поймете, что это не так, что в Нем, повторяю, чисто по-человечески должен был быть заряд мужества, безмерно превосходящий возможности многих людей. Значит, здесь есть некая тайна. Она заключается в том, что Христос в этот момент воспринял в Себя всю сумму зла человеческого. Он как бы выкупил человечество, взяв на Себя все то, что накопилось в нем. Все то черное облако, которое тысячелетиями сгущалось над грешным человеческим миром, сконцентрировалось на Нем. И Он как человек мог это принять, а мог это отвергнуть. Кроме того, Он мог ощущать, что не того Он ждал от людей. Как говорится в Послании к Евреям: «Иисус Христос вместо предлежащей Ему радости претерпел крест», претерпел страдания, то есть, когда Бог явился людям, это должно было быть величайшим торжеством человечества. Но произошло иное. Поэтому Он страдает и за род человеческий, отвергший Его. глубже мы никогда не дерзнем проникнуть, но мы знаем только, что это было Божественное страдание, что человеческое начало во Христе могло принимать все мужественно. Божественная Его воля должна была принять то, что Божеству не свойственно: зло и тьму. «Он изъязвлен был за грехи наши, изранен за наше беззаконие, наказание мира сего было на Нем и язвами Его мы исцелились». Так говорит древний пророк. Вот это и происходило в страданиях Христа.

И воскресшаго (восставшего) *в третий день по Писанием*; «по Писаниям» — это слово здесь относится не только к Воскресению, но и к страданию и погребению.

И восшедшаго на небеса и седяща одесную Отца. Опять-таки, повторяю, что здесь перед нами икона, перед нами символ. Восхождение Христа — то, что мы празднуем в день Вознесения Христова, — это не есть полет Его. Я помню, лет двадцать назад у нас с группой богословов велась длительная оживленная переписка на эту тему. Пытаясь как-то объяснить Вознесение, один из богословов говорил, что Христос летел через все слои атмосферы, чтобы освятить космос. Я не думаю, чтобы в таком понимании был какой-то смысл. Восхождение к Богу означало и означает, что Его бытие Богочеловека стало полностью иным. Оно стало таким же универсальным, вселенским, как бытие Божественное.

Иисус Назарянин во дни Своей земной жизни был ограничен в пространстве и во времени. Вы помните, в Евангелии от Иоанна: Он ушел, Он удалился, Он нуждался в пище... И если Он был в Иерусалиме, то значит, Его не было в Назарете. А после Вознесения Он одновременно пребывает повсюду, Он обретает, как Он Сам сказал, явившись ученикам, всякую власть на небе и на земле. «Дана мне всякая власть», — говорит Он. Дана — значит, до этого Он ею не располагал, а теперь Он управляет миром, управляет Вселенной, которая проникается духом Христовым. С Его пришествием начинается постепенное одухотворение мира. Недаром Тейяр де Шарден, известный ученый-богослов нашего времени, говорил о космическом Христе, говорил, что вся плоть мира стала плотью Христовой, что все тварное материальное мироздание стало Его плотью. И в этом тайна Вознесения. Поэтому, когда Тейяр де Шарден находился в экспедиции в пустыне и, будучи священником, должен был совершать литургию, а у него не было ни чаши, ни хлеба, ни вина, так как это происходило в глубинах Азии, в Монголии, он поднялся на одну из голых скал до восхода солнца и наблюдал, как пробуждается жизнь, как приходит свет на небосклон, как оживает пустыня, как уходит серп луны и поднимается солнце. И он переживал эти события как космическую литургию. Подобно Святым Дарам поднималось солнце, и он так и чувствовал, что это есть Святые Дары. Потому что вся тварь — и воздух, и горы, и живые существа — становится Божественной плотью.

Вот почему наша Евхаристия — это космическое таинство. Потому что хлеб и вино — это есть природа. Это кровь винограда, питающаяся соками земли. Это пшеница, которая есть символ рождения. Это то, что входит в нас и дает нам жизнь. С этого момента природа перестает быть безразличной.

Сейчас часто говорят об экологической этике, и справедливо говорят. Но основа экологической этики может быть заложена только тогда, когда мы почувствуем сердцем, что природа — это Божественная плоть, что Христос освятил ее, освятил небо и землю. Он, Кому это дано как власть.

И наконец, Он завершает историю: *И паки грядущаго со славою судити живым и мертвым*. Это находится за пределами истории. Думаю, что нам имело бы смысл остановиться на этом позднее. А сейчас я только еще раз хочу повторить, что то окрыляющее соединение с Небесным, которое для нас было бы невозможно, возможно теперь через Христа. Апостол Павел говорит нам: «Не я живу, но живет во мне Христос». Его сердце, Его глаза, Его любовь... Это-то и является главным для христианства, для внутренней индивидуальной жизни христианина. Тот, кто не принял в себя Христа, тот еще стоит в притворе, на пороге христианства, тот еще делает первые шаги. главное — это принятие Христа. При таинстве крещения поются такие слова: «Елицы во Христа крестистеся, во Христа облекостеся», то есть когда мы крестимся во Христа, мы в Него одеваемся, Он нам близок. И ощущение Его близости становится залогом того, что с Его помощью мы будем преображать собственную личность и собственную жизнь. Он говорил о том, что каждому, кто верит в Него, будут даны великие силы. И это не фокусы, это не «феномены», это сила внутренняя, это сила, которую мы должны не только взращивать в себе, но и нести в мир. Мир всегда нуждается во Христе — всегда нуждался и будет нуждаться. И нести Его людям можем только мы — те, кто в той или иной степени принял Его в свое сердце, несет Его, отражает Его свет в своей душе.

Беседа пятая

Мы переходим к тайне Божественного Духа, или Духа Божия, о котором Символ веры говорит так: *Верую [...] в Духа Святаго, господа Животворящаго, Иже от Отца исходящаго, Иже со Отцем и Сыном спокланяема и сславима, глаголавшаго пророки*.

Перевожу на русский язык: в Духа Святого, господа, Который животворит, Который исходит от Отца, Которому мы поклоняемся так же, как Отцу и Сыну — единому Божеству, — Который говорит через пророков.

И в самом деле, уже в Ветхом Завете, в древности, когда обыкновенным человеком, призванным на служение, вдруг овладевала таинственная сила, он шел на проповедь, как пошел великий пророк пастух Амос, который не был ни священнослужителем, ни служителем Храма, ни, так сказать, присяжным пророком по должности. Он был просто пастухом и земледельцем. И вот однажды Дух Божий нашел на него, и он впоследствии писал:

Когда лев рычит, кто не вздрогнет,
Когда господь говорит, кто не будет пророком.

То есть это некая превозмогающая сила; сила, которая действует таким образом, что человек способен делать больше, чем он может.

Когда мы говорим «дух», то часто под этим подразумеваем что-то такое бесплотное, почти бессильное. Напротив, на языке Библии еврейское слово *ру'ах* или греческое *пневма* означает мощь, бурю, ветер, ураган, дыхание. А дыхание — это жизнь. Дух — это жизнь, это сила.

Сила Божия, или Дух Святой. Слово «Святой» есть эквивалент слова «Бог». Должен в двух словах пояснить. В Библии, в Ветхом Завете, слово «святой» часто передавало не наше представление о человеке праведном, а представление о том, кто является особым, стоящим выше этого мира, священным, даже, можно сказать, неприкосновенным. И поэтому прежде всего Бог назывался Святым — в этом смысле. Он — иной, нежели мир, абсолютно иной. И человек должен помнить, что Бог радикально отличается от всего того, с чем мы сталкиваемся. Так вот, когда говорят «Дух Божий» — это равнозначно словам «Дух Святой», *Ру'ах Кадо'ш*. Является ли Дух безличной силой? Нет. В первых строках Библии мы читаем, что когда господь создал Вселенную, «земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездной» («тьма» обозначает первичную материю, первичные структуры мироздания) и Дух Божий как бы парил, в русском переводе — *носился* над водой. На самом деле этот глагол означает «согревал». Его употребляли, когда говорили о птице, которая витает над своим гнездом или высиживает яйца, или греет птенцов. Дух животворит Вселенную.

Если Бог как Отец является первоосновой всего, Бог как Логос, как Слово (все тот же Бог), является Творцом всего созданного, то хранителем и непрестанно пребывающей и поддерживающей силой является Бог как Дух. И эта сила, безусловно, Божественная, личностная.

Когда пророки выступали под воздействием Духа, они сами поражались, что им открывается такое, что не только непостижимо для них самих, но даже противоречит их задушевным мыслям и чувствам. И происходили трагические сражения, сражения между волей пророка и голосом Духа Божия. Сражения — потому что в библейском Откровении личность пророка никогда не подавлялась, она не растворялась в океане Абсолютного. Пророк стоял перед Богом как личность перед сверхличностью, и здесь происходила драма, борьба и добровольное согласие. И вот человек принимает Дух Божий в себя. Поэтому Он — «глаголавший пророки».

Можем ли мы сказать, что пророки исчезли с тех давних пор? Нет. Достаточно вам напомнить, что в начале XIX столетия святой Серафим Саровский, один из прославленных святых России, говорил, что главная цель христианской жизни — это приобретение внутри себя Духа Божия (или, как он выражался, «стяжание»). Значит, это возможно для человека. И мы знаем великих мудрецов, подвижников, праведников, деятелей — они могли быть и безграмотными, и великими писателями,

— которые действовали как пророки, через которых открывалась воля Божия. Они становились гигантами нравственной силы, общественного протеста, они шли против течения. Что им помогало? Воздействие Духа Божия на историю. Вероятно, многие из вас знакомы с историософской концепцией Льва Николаевича гумилева, который зафиксировал, что рождение новых этносов, новых образований в человеческом роде неизбежно связано с появлением так называемых пассионарных групп, которые оказываются как бы раскаленным эпицентром: они состоят из таких личностей, которые идут навстречу риску и даже гибели и двигают развитие истории.

У нас есть основания думать, что это импульсы Духа Божия. Дух Божий очень таинственно и очень причудливо проявляется в талантах и дарованиях. Мы не всегда понимаем, откуда это приходит. И история человечества свидетельствует, что время от времени народам, цивилизациям, отдельным людям дается этот дар Духа, и все зависит от того, как они это воспримут и как они это реализуют. Это может быть реализовано в совершенно ложную сторону. Вот тут-то человеку должны помогать и разум, и совесть, и ясное, отчетливое сознание. Потому что человек, одержимый Духом Божиим, не есть сомнамбула, пифия, обезумевшее существо. Нет, Дух Божий не гасит человеческого разума, а наоборот, просветляет его. А если человек не дает разуму хода и думает, что можно жить только на иррациональном, интуитивном порыве, то он способен заблудиться. И свой талант, так сказать, духовной пассионарности он может развеять, погубить или направить совсем не в ту сторону.

Я думаю, вы можете примерно себе представить, как это бывало в истории. Были люди, как бы одержимые идеей спасти других, помочь другим, скажем, русские революционеры XIX в. Безусловно, в них была пассионарность, безусловно это был порыв нравственный, высокий порыв, но они не удосужились обдумать, как все это можно осуществить. И кинулись вслепую. Их порыв был слепой, безумный, разрушительный. «К топору зовите Русь!» Ну и призвали к топору, и результат был весьма плачевным. И потом они уже сами превращались в новых душителей и рабовладельцев.

Поэтому духовное постижение требует трезвого анализа. Поэтому апостол Иоанн говорит: «Братья мои, не всякому духу верьте». Могут быть такие «псевдоморфозы» духа.

Нам очень важно знать и помнить: Христос, говоря ученикам, что Он *лишь видимо* уходит из этого мира, обещал им, что Дух Божий будет продолжать Его миссию на земле. Он будет Заступником, Ходатаем общины, Церкви, Параклитом. *Параклит* по-гречески значит «заступник, ходатай», Утешитель, как Его называют. «Я умолю Отца, и даст вам другого Утешителя, Он наставит вас на всякую правду». Таким образом, Церковь создается силой Духа Божия.

Здесь перед нами трудная проблема: что называть Церковью?

Маленькая филологическая справка: русское слово *церковь* происходит от греческого слова *кириакон* — «дом Божий», отсюда немецкое *кирха*, английское *черч* и т. д. Другое греческое название церкви — *экклесия*, что означает «народное собрание». Таким термином перевели древнееврейское слово *каха'л* — община, или арамейское *кехала* — община людей. От *экклесия* происходит французское слово *эглиз* и испанское *иглезия*. Что же это такое? Когда вы читаете художественную литературу, публицистику или какую-то историческую литературу, слово *церковь* нередко встречается там как обозначение какого-то института, какого-то учреждения типа партии. И, так сказать, по образцу того, что мы привыкли видеть в течение нашей жизни, мы думаем, что эта партия должна спускать какие-то директивы, иметь какие-то идеологические обоснования или идеологические оценки всего на свете. Поэтому меня часто спрашивают, когда я беседую с людьми: а как Церковь смотрит на НЛО или на что-то еще? — как будто бы Церковь имеет некий «мозговой трест», который разрабатывает идеологическое отношение ко всем явлениям мира, включая явления космические. Такое представление об идеологическом аппарате, представление о некой, так сказать, властной структуре, которая может быть свергнута, а потом может вернуться к своей власти, не случайно. В этом повинны и сами христиане. Потому что в какие-то периоды истории христианская община действительно претерпевала «склеротические» изменения и начинала напоминать такой прообраз идеологической партии — естественно, со всеми вытекающими отсюда последствиями: с

подавлением инакомыслия, с фанатизмом, с довольно мощной бюрократией, с неподвижностью, неповоротливостью всего этого аппарата, с большой долей консерватизма.

Но когда мы читаем в Символе веры про Церковь, которая Духом Божиим движима, то Символ абсолютно не имеет в виду эту историческую реальность. Согласно христианскому взгляду, Церковь есть Богочеловеческий организм, или Тело Христово, как учит нас апостол Павел.

Это некая духовная общность, в которой Христос продолжает действовать, в которой живет Дух Божий, которая существует этим Духом. Как она родилась? Христос ее создал, но не формализовал, Он не дал ей никакой структуры. Он только говорил: «Вы — Мои, вы — Моя община»; каждый член ее должен был быть носителем Его Духа. И вскоре после евангельских событий происходит еще одно важное событие — рождение Церкви.

А дело было так. (Это описывается в книге Деяний апостольских.) Ученики Иисусовы по Его повелению из Галилеи собрались в Иерусалиме и молились там вместе. Это был иудейский праздник *Шавуот*, или Пятидесятница, как мы его называем, потому что он справлялся через 50 дней после Пасхи. До этого времени ученики держались тихо, быть может, даже боязливо. Они не выступали как какая-то новая духовная религиозная сила. Они также со всеми ходили в храм молиться, они жили своей маленькой полудомашней общиной (там было несколько сот человек; может быть, вся Церковь была не больше, чем мы, здесь собравшиеся). И вот однажды, когда праздник был в разгаре, эта группа апостолов-учеников вышла на улицы города и стала славить Бога странным образом.

Они говорили и как бы пели. Это было поразительное славление! Они говорили на каком-то непонятном языке. Но, с другой стороны, люди, съехавшиеся на богомолье со всех концов земли, понимали эту речь. Каким образом? Мы не знаем. Но смысл доходил до всех. Это был необычайный феномен. Одни решили, что они просто пьяные, другие не могли понять, в чем дело. Тогда выступил Петр и сказал: «Нет, братья и сестры. Это не безумие, и не пьяные они».

Дух Божий сошел на апостолов и повел их вперед, на проповедь Евангелия. С этого момента рождается Церковь, проповедующая и возвещающая Христа распятого и воскресшего.

Она подобна своему основателю Богочеловеку Иисусу Христу. Но есть и огромная разница. Если в Нем человеческое начало было свободным от зла и от греха, то человеческое начало Церкви — земное, оно не свободно от греха. Церковь состоит из таких же людей, как и все. Но она является семенем, зачалом, как бы ядром будущего человечества, которое должно соединиться в духовном единстве, в величайшем многообразии, в величайшей открытости, в величайшей свободе.

От чего страдает человек?

От отчуждения, от одиночества, от задавленности толпой или самим собой.

Церковь — это не толпа. Это духовное единство, когда все прозрачны друг другу. И в то же время это то, что русские философы прошлого века называли соборностью: то есть, в отличие от коллективизма, в котором личность исчезает, и индивидуализма, в котором личность гипертрофируется, под соборностью в богословии понимается единство, которое не убивает личность. Это одно из особенных свойств Церкви.

Церковь есть продолжение жизни, дела и свидетельства Христа на земле. Она несет в себе Его сокровища, рассеивает их, как семена, по миру. Но мы всегда должны понимать, что как только члены Церкви отходят от духа Христовой любви, они автоматически перестают быть ее представителями. Поэтому совершенно ясно, что сами по себе церковные институты — так сказать, вся эта структура — не гарантируют автоматически верности Христу.

Конечно, иные из вас могут спросить: а зачем был нужен институт? Почему не оставить свободные общины без всякого иерархического строя?

Видите ли, любой организм, чем более он совершенен, тем более дифференцирован. Только у простейших ничего нет кроме ядра и протоплазмы. Совершенный организм отличается сложностью составляющих его элементов. Апостол Павел говорил: «В теле разные части и органы, и все они служат единству». И поэтому, будучи одновременно не только духовным, но и общественным организмом, Церковь должна быть какой-то социальной структурой. Иначе она не может жить. Это просто необходимое условие для любого сообщества, и для Церкви также.

Теперь обратимся к ее определениям, вернее, ее характеристикам, которые мы находим в Символе веры. *Во едину Святую, Соборную и Апостольскую Церковь*. Сегодня это наша главная тема.

Прежде всего: почему Церковь единая? Потому что мы взираем на единство Божие. И это таинственное единство.

Вы думаете, напрасно людям открылась тайна Божественного Триединства — что Бог открывает Себя как Творец, как Логос и как Дух? Нет, отнюдь. Это имеет прямое практическое значение для нашей жизни. Это не отвлеченная метафизика, не отвлеченная догматика.

Я еще раз напомню вам, как это глубоко поняли Андрей Рублев и преподобный Сергий, его духовный учитель. Когда Древняя Русь находилась в тяжком состоянии, во время ордынского ига и междуусобиц князей, духовного кризиса и упадка, что можно было противопоставить этому распадающемуся миру? Любовь. А какую любовь? Прежде всего любовь Божественную. И вот преподобный Сергий назвал свою маленькую церковку в честь Святой Троицы (это была первая Троицкая церковь на Руси). Почему? Потому что, как говорит древний текст, святой хотел, чтобы люди, взирая на единство Святой Троицы, побеждали злобное разделение мира.

В ночь Своей Тайной вечери, перед смертью, Христос молился: «Да будут все едино: как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино». То есть единство Божественной любви в Первоначале, в Троице есть прототип для нас, для нашего единства, взаимопроникновения, взаимопроницаемости, взаимооткрытости, когда люди способны быть, выражаясь философским языком, имманентны друг другу. На самом деле мы друг другу трансцендентны, то есть каждый — закрытая система. Даже любящие друг друга люди с трудом проникают от сердца к сердцу. Бог призывает людей на новый путь — открытости, взаимопроникновения. И когда Рублев писал свою «Троицу», он изобразил пластически — красками и линиями — эту незримую тайну любви, этот круг, который как бы манит и призывает человека изменить свою модель мира.

Агрессивному, озлобленному, распадающемуся существованию человека — стае волков, но одиноких волков (это только кажется, что они настоящая стая; каждый из них одинок) — противопоставляется соборность любви Святой Троицы. Поэтому, как един Христос, как един Бог, как един Дух Божий, так едина Церковь. И когда Христос заговорил о Церкви, Он сказал Петру: «Я создам Церковь Мою на скале, на камне, на тебе, и врата адовы не одолеют ее», потому что Петр первым открыто исповедовал Его Мессией. Врата адовы — значит, силы преисподней, силы смерти. И Он сказал не «Церкви Мои», а «Церковь Мою» — как некую единую субстанцию.

Но вы тут же можете меня спросить: какая же она единая, когда из тех более 1,5 млрд. христиан, которые есть на земле, около 950 млн. — это католики, около 200 млн. — православные, а остальные — протестанты. И протестанты делятся на бесчисленные группы — лютеране, евангелическая церковь, баптисты, пятидесятники и т. д. где же тут единство? Это вопрос очень сложный. Но не нужно думать, что механическое единство может заменить единство духовное. Те разделения, которые происходили в Церкви на протяжении столетий, не связаны с природой самой Церкви. Они отразили культурные, политические, национальные, психологические барьеры, которые люди не способны были преодолеть. Скажем, когда Римская империя пыталась отождествить себя с христианским целым, восточные провинции противились этому. И они откололись, образовались так называемые дохалкидонские Церкви — Церкви коптов, эфиопов, сирийцев, малабарцев (которые из Сирии бежали в Индию) — потому что они не хотели государственной Церкви. Поводы для отделения были догматические, но на самом деле это была реакция восточных окраин на имперскую идею.

Но все-таки до X в. Церковь оставалась единой, неразделенной. Всюду были свои главы церквей, папы (по-гречески *nannac* значит отец) — в Александрии, в Риме, в Константинополе, в Антиохии и других крупных центрах. Но после того, как пала Западная Римская империя, в «половинках» бывшей империи возникли разные общественные, культурные, социальные условия. На Востоке сохранилась императорская, абсолютистская власть, сохранились все старые структуры (рабовладение и т. д.), и церковное руководство, церковная община, церковная структура

находились под жестким контролем государства. Это участь Восточной Церкви на протяжении полутора тысяч лет — и до сего дня.

На Западе империя рухнула. Варвары затопили Италию. И осталась единственная структура из всех — власть церковная — как основа для возрождения культуры в будущем. Римская Церковь ощущала себя независимой от государства, потому что государства вообще не было, а были нарождающиеся варварские королевства, которые воевали между собой, рушились, снова возникали.

И Западная Церковь стала, так сказать, мужественной, воинственной. Когда византийские императоры пытались ее захватить и подавить, подчинить своему авторитету, римский первосвященник обратился к варварскому королю Пипину от лица апостола Петра. Тот выдвинул свои отряды к Риму и не дал захватить и подчинить Рим, а потом выделил для римского первосвященника, папы, часть земель в центральной Италии. Для какой цели? Чтобы никакой император или король не мог голыми руками взять под контроль римского епископа.

Так возникло папское государство, которое существовало до 1870 г. Потом оно было упразднено в результате восстания гарибальди и восстановлено в 1929 г., но уже не в прежних размерах, а символически, всего на 44 гектарах. Но зато это территория, не подчиняющаяся никакому правительству.

Я был на территории Ватикана. Когда входишь туда, тебя встречает пограничная стража в старинных костюмах, созданных еще Микеланджело, и ты пересекаешь государственную границу.

Такова была судьба Западной Церкви. Но Восточная Церковь, подчиненная императору, все более и более от нее отдалялась. Происходила дивергенция, разные культурные пути. Конфликт между Востоком и Западом повлиял на Церковь и кончился тем, что в 1054 г. патриарх Константинопольский отлучил от Церкви папских легатов, передавших патриарху папскую буллу, в которой патриарх предавался анафеме. Это считается формальным началом разделения церквей. Правда, сегодня, спустя 1000 лет, патриарх Константинопольский и папа воспроизвели этот документ и публично сожгли его — в знак того, что этого конфликта более не существует. Но, увы, за 1000 лет раздельного существования накопилось много догматических и других особенностей, которые делают единство Западной и Восточной Церквей сложной проблемой.

Потом в Западной Церкви произошел раскол, появились протестанты, которые, в свою очередь, начали дробиться.

Что же является Церковью? Ответ может быть таким. Церковь есть некое сложное образование. Прежде всего, это та Церковь, которая основана Христом, — значит, идущая от апостолов непрерывно. Таковой является наша Православная, Восточная Церковь. Таковой же является и Католическая, Западная Церковь. По практике Православной Церкви мы признаем иерархию и таинства Католической Церкви, т. е. признаем ее Церковью, хотя и отделенной от нас. Они, в свою очередь, также называют нас «отделенными братьями». То же самое, по-видимому, можно сказать и о древних Восточных Церквах — Армянской, Эфиопской, Коптской. Сложнее с протестантами. Но, конечно, в широком смысле слова можно считать Церковью уже любую общину, которая исповедует Иисуса Христа, пришедшего в мир, воплотившегося, распятого и воскресшего.

История конфликтов и дискуссий показала, что когда люди спорят, то они только ожесточаются. Богословы-спорщики не сумели сблизить позиции Церквей. Сближало их иное. Сейчас, когда на Востоке больше знают о Западе и Запад больше знает о Востоке, сближение идет по совсем другим каналам. Например, Западная Церковь начинает чтить наших святых. Я видел огромную литературу о русских подвижниках прошлого и нашего времени. В каждом католическом храме в Италии я видел изображение Владимирской иконы Божией Матери и другие православные иконы. Они к нам относятся очень открыто и, в общем, как бы постепенно отходят от идеи разделения.

В нашей Церкви есть на этот счет разные точки зрения, начиная от полного неприятия, которое было сформулировано Алексеем Степановичем Хомяковым; он считал, что христианство — это только Православная Восточная Церковь, а Католическая — это уже не христианство. Но

Православная Церковь этой точки зрения не разделяет: если католического священника принимают в нашу церковную юрисдикцию, он становится православным священником, и его никто не рукополагает во второй раз. Считается, что его священство действительно, и все таинства крещения, все причащения, все священнодействия, которые он совершал, были действительны. Отсюда логический вывод, что мы это признаем. Только хорошо знакомясь друг с другом, мы можем понять причины разделений и часто видим, насколько они были далеки от подлинной духовности и церковности.

Итак, *единая Святая, Соборная, Апостольская Церковь*. Что это значит? Что она состоит из святых? Да, во времена апостолов все верующие так и называли себя — святыми, но не в том смысле, как мы теперь употребляем это слово, а в том смысле, что это посвященные Богу, особенные люди. Хотя Церковь живет в мире и целиком в него погружена, с другой стороны, она есть корабль Божий, плывущий по морю, ковчег; все-таки христианин отделен от мира, в чем-то отделен. Есть тут такая сокровенная диалектика: и в мире, и не от мира сего; и открытость, и закрытость.

Объяснить это просто так невозможно, это можно понять только на практике. Только на практике вы поймете, что это значит — быть со всеми как все, а в то же время быть отдельно, быть внутри своего ковчега.

И еще одно: посвященность Богу означает подражание Христу. Христос был целителем, Христос был жертвой, Христос был сердцем, которое отдано людям, и Он был свидетелем об Истине: «Я пришел для того, чтобы свидетельствовать об Истине». Такова и Церковь. Если члены Церкви изменяют этому, они перестают быть выразителями Церкви. Иногда спрашивают: а не похоже ли это на ситуацию с партией — тоже говорят, что вот, исказили идеал партии, был идеал, а в жизни стало по-другому? Нет, не похоже. Не существует таких фактов в политической истории, которые дали бы нам право сказать: вначале пришли люди, которые хотели уважать культуру, уважать всех людей, достоинство личности, свободу вероисповедания, совести, печати. Не было такого. Как только у нас началась революция, все это рухнуло в одночасье. И если мы посмотрим в прошлое, в XIX в., когда создавались марксистские кружки, в них тоже не было «излишней» демократии. Нет, это отнюдь не было их свойством. Не надо тут говорить об искажении, все было так, как задумано, все шло в определенном направлении и дало свои плоды. Другое дело, что плоды-то оказались горькими для всех, в том числе и для тех, кто их вырастил. Но это уже не относится к нашей теме.

Между тем, дистанция между Евангелием и каким-нибудь религиозным фанатиком-инквизитором бесконечна. Здесь ничто несравнимо. И внешние регалии этого инквизитора означают не больше, чем кресты на крыльях фашистских самолетов, потому что это только внешний знак. Содержание абсолютно другое.

Во единую Святую, Соборную и Апостольскую Церковь.

Соборная — это церковно-славянский перевод греческого термина *кафолик*, кафолическая церковь. Кафолическая — значит Вселенская, собранная со всего мира; не какая-то отдельная, эпохальная, национальная, древняя или модерновая, а Вселенская — то есть, на самом деле, ее место всюду. Нет никакой преграды, никакого ограничения. Создавая национальные культуры или влияя на них, Церковь остается сверхнациональной, сверхнародной, сверхчеловеческой, обнимая все, — Вселенская Церковь в своем изначальном замысле.

Мы можем, конечно, спросить: ну, а как понимать то, что есть «Русская Православная Церковь», «Грузинская Церковь» и т. д.? Это все национальные воплощения Церкви. Нужны ли они? Да, конечно. Церковь влияет на творчество человека, на нравственные, социальные, художественные сферы. Христианская религия лежит в основе мира людей, и в том числе народов. Творчество народов есть великое призвание перед Богом. Но творить может только определенный народ. Вы знаете, когда обезличивается цивилизация, она перестает быть творческой. Поэтому в каждой культуре должно создаваться свое преломление христианства. И чем более оно многогранно, тем более полно выражает себя Церковь Христова. Если мы посмотрим на африканские христианские храмы, мы увидим там узоры, свойственные народной традиции африканцев, черные лики Мадонн, изображение Христа из эбенового дерева. В индийских церквах,

напоминающих пагоды, — изображения Христа, сидящего в позе лотоса. Каждая культура, включая культуру индейцев Северной Америки и эскимосов, создает свой облик Церкви. И это нисколько не мешает ее единству. Это было промыслительно подготовлено еще в социально-культурном единстве Римской империи. Христианство проповедовалось в Римской империи, а Римская империя охватывала множество народов, которые, в общем, не теряли своей идентичности, но в то же время были связаны между собой межнациональным греческим языком *койне* и римскими законами, понятиями о римском гражданстве.

Наконец, *Апостольская Церковь*. В упрощенной форме это представление связано с идеей того, что апостолы поставляли своих преемников, преемники — последующих, совершалось рукоположение, и так до нашего времени.

Фактически это так. Если и не было какой-то в прямом смысле слова передачи апостольских прав (историки спорят об этом), то живая преемственность сохранялась всегда. Она была до того, как возникли книги Нового Завета. Она была основой Церкви, основой для того, чтобы выбрать из разных книг именно те, которые отвечают традиции апостолов. Устное Предание было тем потоком, по которому все шло. Значит, Церковь основана на апостолах — двенадцати и семидесяти.

Христос недаром взял число двенадцать. Согласно Библии, двенадцать — это число избранников. В древности было двенадцать патриархов, основателей израильского народа, который тогда был ветхозаветной Церковью. И как бы в продолжение этой линии Христос избирает двенадцать апостолов, родоначальников новой, новозаветной Церкви Христовой. Поэтому на плечах апостолов, как изображает это Апокалипсис, как на камне, стоит вся Церковь. И еще одно свойство Церкви сюда входит. Апостол — значит посланник, посланник Христов. Церковь должна быть посланницей Христовой в мире. Когда она осуществляет это, тогда она действительно — Его голос, она — проповедующая Церковь. Проповедующая в том смысле, что она свидетельствует о том сокровище, которое ей вручено, — о живом Христе, о Его присутствии в мире, о живом Духе Божием, Который присутствует здесь. И не потому, что в Церкви собрались самые мудрые или самые сильные люди, а потому, что через них говорит Дух Божий, потому что Он есть главная, порой сокровенная, а порой явная сила в этом мире. И когда бы ни происходили события, как бы далеко ни отстояла Церковь от главных перекрестков истории, она всегда служила этим самым голосом. Но ее Предание, то есть традиция, ведущаяся от апостолов, одновременно является критерием проверки того, что в Церкви реальной, эмпирической, земной принадлежит Христу и Богу воистину, а что является наносным, привходящим, извращенным, человеческим.

Что же такое Предание Церкви? Это прежде всего главные ее догматы. Их очень немного. Многие люди, недавно обратившиеся, полагают, что есть колоссальное количество догматов. Нет. Догматами является то, что было высказано на Вселенских Соборах. Остальное уже свободно принимается или отвергается кем угодно.

Что является осью Предания? Записанные догматы и записанное Откровение Божие — Священное Писание, Библия. Поэтому не надо воображать, что Библия есть что-то противостоящее Преданию. Она и есть зафиксированная традиция Церкви, и через Библию мы проверяем, насколько мы отступили или насколько мы согласуемся с волей Христовой и с Духом Божиим. Вопрос здесь решается именно так.

Таким образом, человек, вступая в Церковь, живя в ней, получает не только пристанище, но и призвание. Быть христианином — это призвание, «профессия», выражаясь обычным языком. Это значит — делать в мире что-то особенное, делать что-то для вечного. И хотя жизнь наша эфемерна, хотя она коротка и часто бывает ничтожна, причастность к Вечности, прикосновенность к ней делает жизнь полной непреходящего содержания.

Входя в Церковь, мы находим там Христа и Дух Божий, Который в ней действует. И подобно тому, как господь Иисус был похоронен и на гробе Его стояла печать, но Он победил смерть, подобно этому Церковь неоднократно, казалось, была разрушена или внешними врагами, или внутренними — недостойными христианами, которые оскверняли ее суть, унижали, извращали; но она каждый раз воскресала вновь и будет воскресать всегда.

В Апокалипсисе апостола Иоанна Церковь называется Невестой. Невеста — это образ, взятый из Ветхого Завета. Невеста — это община, которая ждет своего Божественного Жениха. А значит, основа всего здесь — любовь. Любовь есть жизнь, любовь есть величайшая тайна. И мы, приближаясь к Богу, открываем Его внутри Церкви как бесконечную Любовь, как смысл всего нашего бытия, как красоту Его, как Его полноту.

И последнее, о чем я хотел вам сказать. Не раз меня спрашивали: «Учение Христа прекрасно. Евангелие — это великолепно. Но при чем тут Церковь? В ней было столько негативного». Да, негативное было, но прежде чем так сказать и отвергнуть понятие об общине, мы должны вспомнить о том, что ведь это Его Церковь. Он ее основал 2000 лет назад, Он сказал, что врата адовы ее не одолеют, Он в ней присутствует во все дни до скончания века.

И еще одно. Если это так, значит, Он не захотел, чтобы мы постигали Истину в одиночестве, каждый у себя в каком-то отдельном изолированном мирке, а хотел, чтобы мы это делали вместе. Пусть это трудно, пусть всякая, любая человеческая общность содержит в себе опасности искушений, трений, соблазнов. Он так хотел. Еще раз повторяю: это была Его воля, Его Церковь, Его Дух, Который в ней присутствует и сегодня.

Беседа шестая

Сегодня мы приближаемся к концу Символа веры и в следующий раз будем говорить о его последних строках. Сегодня я остановлюсь на словах: *Исповедую едино крещение во оставление грехов*. Что это значит?

Слово *крещение* в оригинале, по-гречески, звучит как *баптисма* — омовение. Священное омовение с глубокой древности означало перелом в жизни человека, смывание с его души и тела каких-то темных стихий, и физических, и духовных. Вода здесь употреблялась как символ чистоты. Между тем, сегодня мы знаем, что вода — это чудо мироздания; только благодаря воде на Земле существует жизнь. Безводные пустыни Луны или других планет Солнечной системы безжизненны. Подумайте над тем, что сама жизнь пропитана водой, что наш организм на 70 процентов, если не больше, состоит из воды. Жизнь зародилась в воде; особая молекула, особым образом устроенная, придает стихии воды исключительные свойства, необходимые для жизни. А теперь мы знаем еще, что она не только помогает созидать жизнь, но и каким-то таинственным образом может содержать в себе информацию. Вода обладает какой-то своеобразной памятью. Так что интуиция народов, которые употребляли воду в священнодействиях, в омовениях, была не ошибочна.

Во времена Ветхого Завета возник такой обычай: когда язычник, иноплеменник обращался к вере в Единого Бога, он проходил через обряд священного омовения. Часто это совершалось в реке Иордан или в Силоаме — источнике, бассейне, который существовал близ иерусалимского Храма. Часть его существует и до сих пор.

Почему омовение совершалось в Иордане? Иордан с древности считался священной рекой и одновременно как бы границей Святой земли, отделяющей ее от гор Моавских и пустынь восточных. Это священное омовение было знаком приобщения язычника к истинной вере. Потом появился Иоанн Креститель, о котором вы все знаете. Он призвал народ совершать священное омовение (евр. *тевилб*) — на реке Иордан. Он это предлагал делать уже не язычникам, а правоверным израильтянам, потому что подчеркивал, что наступление новой эры Духа, когда Сам господь приходит на землю, требует от людей, даже выросших и воспитанных в правоверии, перелома во внутренней жизни — покаяния, обновления и осознания себя настолько недостойным, что ему надо пройти через священное омовение, как это делали язычники.

Священное омовение практиковали и современники Иисуса Христа — полумонашеский орден ессеев. Они совершали его несколько раз в день. И сам Христос Спаситель использовал обряд водного омовения как знак таинства вхождения в Церковь Христову.

Это вхождение может произойти только один раз — поэтому мы и говорим: *исповедую едино крещение во оставление грехов*. То есть взрослый человек, приходя к крещению, должен понимать его как примирение с Богом, как вхождение во Святую землю правды, добра, чистоты, верности. Поэтому крещение не повторяется, оно уникально.

Как совершается это таинство? Прежде чем сказать об этом, я должен пояснить, что означает слово «таинство». Среди священнодействий Церкви есть некоторые, особенные, когда вся Церковь призывает Дух Божий, чтобы Он пришел сюда, к собравшимся. И из множества подобного рода священнодействий Церковь на Западе в XIV в. выбрала семь главнейших.

Почему именно семь? В Библии *семь* — это символ полноты. А значит, это намек на то, что таинств на самом деле больше, чем семь; семь — это самые узловые. В XIII в. это впервые сформулировал Фома Аквинат, потом это было принято и в Восточной Церкви. И сегодня наша Церковь признает именно семь таинств.

Первое, как бы вступительное таинство — это крещение.

В любом таинстве есть два момента, два элемента: это дар Божий, сила Господня, которая сходит на нас, а с другой стороны — наш ответ. Поэтому таинство есть явление Богочеловеческое, как бы пересечение двух миров, как бы присутствие Божества с нами и нас с Ним. Соприсутствие, соединение.

Более того, таинство есть освящение человека и природы в целом, потому что человек и есть сама природа; человек есть голова природы, ее мысль, духовный центр, средоточие всего творения. И при освящении воды, которой совершается таинство крещения, освящается сама жизнь, чудо жизни. А ведь это удивительное чудо. Оно не может не затронуть людей, пытающихся отрицать чудеса. Посмотрите, как раскрываются деревья, как весной эти окаменелые, казалось бы, высохшие на морозе ветки вдруг наливаются соком, как поднимаются травы из земли, как зарождается жизнь. Как зреет, как рождается птица из яйца, как рождается человек, как все творится. Почему это происходит? Почему до сих пор не бушует на земле просто гелиевая плазма, какая-то убивающая жизнь буря? Что произошло? Кто сдвинул с места тысячи законов и правил для того, чтобы они сошлись воедино, дабы создать на земле жизнь и человека? Это — чудо.

Но есть и второе чудо — духовное рождение. Христос сказал, что тот еще не вошел в веру, кто не пережил нового рождения. Однажды должна лопнуть кожура, броня, которая окружает нашу душу, спрятанную внутри, зацикленную в себе, свернутую, как будто младенец-эмбрион. Разрывается эта пелена — и раскрывается душа, как крылья у бабочки, выходящей из кокона.

Многие люди были недалеки от этого, но потом испугались потрясения души и попятились в обыденность, в повседневность, опять вернулись на круги своя. Бог стучится к каждому человеку, и это самое великое мгновение жизни. И наша задача в тот миг — открыть Ему дверь, чтобы Он не прошел мимо.

Итак, в крещении встречаются воля человека войти в ограду Церкви, получить освящение, прощение — и Божий знак: «Приди ко Мне».

И, наконец, вода как символ жизни человеческой.

Крещение разделяется на две части: оглашение и собственно крещение. Обычно их совершают вместе, но когда я крещу одного человека, отдельно, я часто это разделяю.

Оглашение — чин, который предшествует крещению. Священник спрашивает у человека, готов ли он к крещению, хочет ли он соединиться с Христом, отрекается ли он от сатаны и дел его, от всякого зла демонического — всякое зло есть демонизм. И потом новокрещаемый читает Символ веры.

Я отделяю оглашение, потому что оно должно сопровождаться беседами, чтением Священного Писания. Но поскольку мы с вами уже несколько раз встречались, то это как бы и заменило нам оглашение как подготовку.

Потом идет само таинство крещения — человек принимается в лоно Церкви, Вселенской Церкви Христовой. Но вы спросите: а почему крестят детей — ведь дети не приходят по вере? Так исторически сложилось. Христианство, отвергнув языческий обычай посвящения младенца, вхождения его в общину людей, в жизнь, как бы не создало аналогичного достаточно важного обряда, и матери стали приносить детей, чтобы их покрестить. Это было примерно в V в.

Как государство дает ребенку гражданство — принимает его в свое лоно, хотя ребенок об этом пока еще не подозревает, как он становится любимым членом семьи, хотя он еще этого не сознает, потому что только что родился, так же младенец принимается и в семью Христовой Церкви. Это как бы крещение авансом, впрок. При этом присутствие крестных знаменует, что его обязуются воспитывать в христианской вере, что выбор сделан, пусть не им, но его родителями; ведь в этом возрасте человек от родителей еще неотделим.

Второе важное таинство — таинство причащения. Я думаю, что после крещения мы с вами еще несколько раз встретимся, и я вам расскажу о церковном богослужении, чтобы вы имели общее представление. Тогда и поговорим подробно о причастии. Сейчас я скажу лишь о его сути.

Это жертва, но жертва в особом, таинственном смысле. Это соединение с Христом. Когда человек в древности приносил жертву, он тем самым призывал Бога стать соучастником его жизни. Человек призывал Бога на трапезу, ибо любая жертва была одновременно и трапезой, которая объединяла членов общины и соединяла их с Божеством. Поэтому древние израильтяне, собираясь на священную трапезу Пасхи, так называемый *сйдер*, вместе вкушали хлеб, пили вино, и это была молитвенная трапеза, которая соединяла их воедино, в ветхозаветную Церковь. Христос взял этот

обряд и сделал его знаком Своего реального присутствия среди людей. Вечная трапеза длится — как у Мандельштама: «И Евхаристия, как вечный полдень, длится».

Евхаристия, благодарение — это новая Пасха. То есть там было освобождение от рабства, а здесь — спасение, которое дается тем, что Христос приходит к нам. Надо почувствовать и пережить, что вот Он здесь, что Он с нами, бесконечно недостойными Его, далекими от Него, — но Он открыт нам.

И каждый раз, когда совершается Евхаристия, чаша и хлеб напоминают нам о Тайной вечере. Он оставил это нам как знак и обряд, сказав: «Сие творите в Мое воспоминание». В ночь перед Своей крестной смертью Он взял чашу и хлеб и сказал: «Вот трапеза — это Мои Тело и Кровь», то есть это Я сам.

В древнем способе выражения это *Я сам* означало: «Я Себя отдаю людям, и когда вы будете вместе за этой трапезой, Я буду с вами, всегда». Поэтому древнейшие свидетельства о христианах всегда неотделимы от этого таинства. Оно называется «Благодарение», по-гречески *Евхаристия,* потому что там читается благодарственная молитва. Это таинство совершается во время *литургии* (греч. «общее действо»), или обедни (это просторечное название, означающее то, что свершается до обеда). К Евхаристии в настоящее время принято приходить натощак — из благоговения. Каждый день она совершается в городских церквах, и каждое воскресенье — в сельских. Земля вращается, и сначала в одном месте планеты поднимается Святая Чаша, потом в другом — всегда, во всех странах, всюду Чаша вознесена в любое мгновение, в любой час. В ней — жизнь.

Ибо это хлеб — плоть мира; зерна пшеницы, кровь винограда — то вещество, которое питает нас. Когда человек питается, он причащается природе. Стихия природы, жизнь мироздания входит в нас через процесс питания, ассимилируется, отождествляется с нашим организмом, и тем самым энергии природы, ее тайные и явные силы, входят в наше тело, и оно растет, оно существует, оно набирается этих сил. Вот почему принятие пищи всегда было актом священнодействия, всегда сопровождалось молитвой. И до сих пор мы всегда перед принятием пищи стараемся перекреститься и прочесть молитву.

Человеку свойственно благоговейное отношение к пище. И поэтому Христос самое сердечное Свое таинство — в котором Его сердце нам отдано — делает трапезой. Первые христиане совершали ее действительно за столом; это была молитва-трапеза. Но когда численность людей в Церкви возросла, этот стол превратился в престол, который стоит на возвышении в алтарном пространстве, там находятся чаша и дискос с хлебом, совершается освящение, и люди приобщаются Святых Тайн.

Святые Тайны — это Божественная трапеза Христова. Как удивительно, что Он оставил нам не какое-то философское учение, не доктрину, не какие-то афоризмы, а Он оставил Себя через эту простую трапезу, символизирующую жизнь, пищу, без которой человек жить не может. И это было не только в последнюю ночь перед Его крестной смертью, это было и в другой раз, когда Он накормил голодных в пустыне, а потом скрылся от них, желавших провозгласить Его царем. И когда они Его искали, Он сказал: «Я — хлеб небесный, Который пришел к вам, чтобы вас напитать. Кто будет питаться Моей Плотью и Кровью, тот будет иметь жизнь вечную». Они, конечно, не поняли этого выражения. А *плоть и кровь*, повторяю, — это сам человек. Значит, Он — наша пища, по аналогии с природой, Он питает наше существо, как природная пища питает каждого из нас.

Третье таинство (порядок не имеет значения, его можно менять) — таинство покаяния, или исповеди. Это, условно говоря, второе крещение. Поскольку само таинство крещения не повторяется, а человек, получив через него прощение, часто и естественно вновь возвращается в греховную жизнь, — необходим какой-то знак, что он вновь прощен, что он может подойти к Святой Чаше, и вот этим знаком является отпущение грехов в таинстве покаяния.

Мистически оно совершается всей Церковью, но в присутствии священника, который наедине принимает исповедь человека. Вы можете спросить: зачем же свидетель, неужели я не могу каяться перед Богом, так сказать, сам в себе или где-то в душе? Но на самом деле тут не будет подвига преодоления, потому что человеку самому себе сказать о том, какой он дурной, не так-то трудно, а вот сказать в присутствии свидетеля, тем более знакомого свидетеля, — это тяжко, через это надо переступить, но вот при этом-то и ломается корень зла. И еще: некоторых людей смущает, что,

рассказывая священнику о своих недостатках и грехах, можно упасть в его глазах. Это глубокое заблуждение. Я могу по себе сказать, что когда-то мальчиком я думал: как же священник может общаться с людьми, когда он знает всю их подноготную? Получается, как в сказке Гофмана: если он знает все мысли, так и жить невозможно. Но став священником, я увидел, что Бог действует чудесным образом и заставляет меня забывать все эти грехи, о которых я слышал, и общаться с людьми, как будто я не слышал от них ничего. Какая-то таинственная, властная рука стирает из моего сознания и памяти все то, что я слышал от них на исповеди. И это нас подводит к следующему таинству — таинству священства.

Церковь — это община людей. Хотя господь Иисус обращается к каждой душе отдельно, воля Его в том, чтобы мы шли к Нему вместе. Он так хочет. Он так создал человечество, чтобы люди могли жить только вместе. И Церковь есть новый вид общения, идеальная модель для человечества. Но создание Церкви — вещь трудная, как вы знаете. И будучи великим социальным организмом, она нуждается в распределении различных форм служения. Это просто объясняет нам апостол Павел. Он говорит, что человек, имея тело, одновременно имеет в нем разные органы, у которых различные функции. То есть организм — это не монотонное разнообразие каких-то частей, агрегатов, а полиморфное соединение, имеющее различные аспекты. Он говорит нам также: «Все ли апостолы, все ли учителя, все ли имеют дары исцелений?» Нет, конечно. И взаимосвязь между людьми на это опирается. Потому что когда одному дано одно, а другому другое, мы можем служить друг другу. Если бы мы все были одинаково одарены всеми дарами, то мы бы друг в друге не нуждались. Мы нуждаемся друг в друге именно потому, что дары распределены неравномерно. Как очень трудно склеить гладкие плоскости, гораздо легче склеить плоскости, имеющие какие-то впадины и выступы, так и в обществе людей.

И вот, есть форма служения Церкви — это прежде всего предстоятель, то есть тот, кто говорит за общину во время совершения таинства Евхаристии. Он является голосом общины, ее руками, он, выражаясь на вульгарном языке, ее «полномочный представитель». Вначале это были апостолы. Потом апостолы получили название епископов. Почему? *Епископ* по-гречески означает «надзиратель», «управитель». Руководитель общины стал не только предстоятелем за таинством, но и руководителем жизни общины, в том числе и хозяйственной жизни. Так он стал епископом, а священник лишь помогал ему совершать все таинства, кроме таинства священства.

Таинство священства совершает только епископ. Почему оно называется рукоположением, по-гречески *хиротонией* — возложением рук? Это древний ветхозаветный обычай — передавать какой-то духовный дар или силу через обряд возложения руки или рук. Это таинство вы можете видеть в тех храмах в Москве, где служат епископы, например, довольно часто священников рукополагают в Новодевичьем монастыре. Это таинство тоже является чудом, потому что мы, священники, действуем не по своей силе, мы такие же немощные и грешные люди, как каждый из вас. Но если мы что-то можем делать больше обычного, то только в силу этого дара, этой хиротонии, этой благодати священства. Я всегда отлично сознаю, насколько она действует больше, чем действую я сам.

В одном институте, где я читал лекцию, меня спросили, чувствовал ли я перемену в своем мироощущении, когда стал священником. Я подумал и вспомнил; вспомнил дни своей юности и понял, что тогда у меня было в десять раз меньше сил, чем потом, когда я стал уже пожилым человеком. В десять раз меньше сил. Откуда это? Человек, которому двадцать пять или пятьдесят пять — разница? Но в пятьдесят пять я способен делать на несколько порядков больше. Это действует благодать Божия, а не я. В это время надо бы уже угасать. Я даже помню, что первые дни, когда я служил в храме, я возвращался и после этого должен был лечь на кровать, отдохнуть. Сейчас мне это и в голову не приходит, хотя служу я во много раз больше. Таким образом, это не человеческое, а Божие. Наша же задача, служителей Церкви, это все воспринять, усвоить.

У вас может также возникнуть вопрос (он возникал еще в средние века): а что если таинство совершает недостойный священник? Во-первых, скажу вам, что мы все недостойные. Во-вторых, что имеется в виду, когда Церковь говорит о том, что таинство действительно, реально совершается, если совершает его священник, независимо от его нравственного уровня? Это не магия, не фокус,

не механическое совершение таинства, а великое учение Церкви о том, что это таинство, допустим, крещение, совершает вся Церковь. Совершает по вере своей. И Бог откликается на голос Церкви, а не на произвольное слово священника. Вот почему, если он недостоин, но достойна община, молящиеся, Церковь, то она, община, и совершает это таинство, хотя и его руками. Ну, разумеется, приятнее, когда, так сказать, руки чистые. Но все-таки надо об этом помнить. Потому что некоторые люди говорят: это мне не подходит, то не подходит. Это все неверно. Кто хочет пить, выпьет и из консервной банки, если там налита вода.

Есть еще таинство, которое мы называем соборованием. Это таинство елеопомазания, или елеосвящение. Оно, как и любое другое, требует веры, но здесь — особой, специфической веры: это таинство исцеления. Оно должно совершаться над больным человеком, чтобы он либо выздоровел, либо умер: иногда смерть бывает выздоровлением. Я знал людей, которые действительно были открыты действию таинства, и оно поднимало их прямо из могилы. Или наоборот, люди умирали. То есть это как бы лакмусовая бумажка, как какой-то рычаг. Но очень важна субъективная сторона, потому что здесь участвует сам человек. Название этого таинства происходит от того, что с апостольских времен был обычай помазывать больного освященными маслами, елеем.

Надо только не путать таинство елеопомазания, или соборования, с миропомазанием. Почему оно называется соборованием? Потому что, по старинному обычаю, собираются несколько священников — собор, — и они молятся над одним больным. Помните, в фильме «Война и мир», когда умирает отец Пьера, там стоят священники со свечами. Это его соборуют перед смертью. Я сослался на кинофильм, потому что теперь такого соборования не бывает никогда. Бывает все наоборот: приходит масса больных и священник (или двое священников). Мы поменялись местами, так что собор уже не наш, а ваш, собрание больных. Да, исцеляться может каждый. По-настоящему исцеляться, в самом прямом, физическом смысле. Если этого не происходит, это просто от нашего маловерия. Кто готов — получит исцеление в соборовании и вообще по молитве.

А миропомазание — это таинство, которое у нас оказалось, к сожалению, как-то отодвинутым на задний план. Это таинство присоединения крещеного человека к реальной жизни Церкви через призывание и нисхождение силы Духа Божия. В Западной и вообще мировой церковной практике это таинство совершается уже над взрослыми, над подростками или детьми, которые сознательно, после крещения в раннем детстве, входят в общину, и Дух Божий сходит на них. У нас это таинство совершается тут же при крещении младенца, без перехода, и оно как бы сливается с крещением. Из ста человек едва ли один знает, что кроме крещения было еще и миропомазание. Я думаю, что со временем это вернется в Церковь. Я знал одного священника, известного зарубежного богослова, который, крестив свою дочь, сказал: «Когда ты подрастешь, ты поедешь в Россию и там тебя миропомажут». И вот она ко мне приехала уже будучи взрослой девушкой. Мы собрались, молились и совершили над ней таинство миропомазания. Но ее отец был специалистом по богослужению, ученым с мировым именем, он один из немногих знал, насколько важно это таинство само по себе. Из-за нашего пренебрежения им наши братья — протестанты-пятидесятники — сделали какой-то крайний акцент на принятии Святого Духа и считают, что эта тайна должна совершаться в сопровождении каких-то феноменов, что человек должен ощущать это просто как потрясение, он должен «говорить языками», то есть молиться каким-то странным образом. На самом деле это не обязательно. Это зависит от человека, от его настроя. Иногда можно пережить все очень глубоко, но при большой внутренней сдержанности. Такая реакция пятидесятников возникла из-за того, что тайну Духа Божия отодвигали куда-то на задний план. Так исторически сложилось.

И наконец, последнее таинство, которое на самом деле является первым, — таинство брака. Как подчеркивает православный русский богослов С.В.Троицкий, это единственное из семи таинств, которое было основано не Христом Спасителем, а изначально присутствовало в Ветхом Завете. Когда Бог создал любовь между мужчиной и женщиной, Он и создал это таинство. Оно заключается в том, что человеческий дух устроен таким образом, что возможно некое таинственное, можно даже рискнуть сказать, мистическое, соединение двух существ, которые становятся имманентными друг другу. Прошу прощения за философский термин. Библия выражает это

простыми словами: «Да будут двое плоть едина». Плоть едина, то есть не только дух, но все существо. Это некое поразительное единство.

Сатана — сила разрушения, распада, аннигиляции. Бог есть сила соединения, творения, гармонии. Поэтому и сказано, что брак, это соединение, есть величайшее чудо. Апостол Павел так и пишет: «Тайна сия велика есть». И древние пророки, а за ними апостол, сравнивали это удивительное слияние душ со слиянием человека с тайной Божией, с отношением между Божеством и человечеством. В Библии ничего не сказано про деторождение как часть этой тайны; целью является именно сама любовь, а не деторождение. Заповедь «плодитесь и размножайтесь» обращена к живым существам, к животным и к человеку в равной степени, это у них общее. И размножение возможно без любви. А вот любовь возможна и без размножения. Это подчеркивал Владимир Соловьев: очень сильная любовь двоих не обязательно увенчивается рождением человека, тем более — рождением какого-то гениального человека. Это, в общем, разные вещи. Вы можете спросить: но разве это не в идеале только, разве это бывает в жизни? Или Бог это создал, а мы испортили? Я говорю о том, что есть в реальности и одновременно дано нам как манящий идеал. Легко быть циником и говорить, что этого не бывает, очень легко. Но циник — он и есть циник, он видит только на поверхности. А в конце концов задумайтесь над тем, что все величайшие произведения человеческого гения в музыке, поэзии, прозе, живописи, ваянии так или иначе были связаны с великим переживанием любви, а совсем не с размножением. Подумайте об этом. Я даже приводить примеры не решаюсь. Потому что на самом деле это охватывает все, что создавало человечество, от гомера и Шекспира до наших дней. В самой Библии есть Песнь Песней — гимн любви.

Если мы любовь затоптали, опошлили, то это наша вина, а не вина любви. Если мы не умеем любить, то это значит, что мы отходим от заповеди. Правда, иные говорят: ну, а возможна любовь, так сказать, вечная? Конечно, возможна. Но ведь один и тот же человек в конце концов приедается, надоедает? Только безлюбовные глаза могут сказать, что перед тобой один человек. Каждый год перед тобой другой человек. Если ты любишь, то ты всегда открываешь в нем все новые и новые черты. Твоя жена такова, как ты к ней относишься. Физиономии наших близких, наших мужей и жен — это зеркало наших отношений к ним. Христос потому и ставит перед нами этот идеал, что он — источник полноты жизни, счастья, он — норма, как бы мы его ни топтали. И, наконец, последнее, что можно к этому прибавить. Один врач, опять-таки циник, мне говорил: милый мой, это все гормоны, гормоны. Это верно, гормоны ведь тоже не посторонняя нам вещь, они в нас работают. Но только ли гормоны? Я приведу лишь один пример, с моей точки зрения, самый яркий.

Вспомните эпилог «Старосветских помещиков» гоголя. Афанасий Иванович, высохший старичок, какие уж там гормоны, давно вдовец, — и только он вспоминает имя своей Пульхерии Ивановны, как разражается рыданиями. А она давно умерла. Что же связывает их — ведь они оба жили полуживотной жизнью, ели да пили, да спали? Была любовь. И она оказывается такой, что когда у человека высыхает все гормональное кипение, она может остаться. И, наоборот, человек может быть полон физической жизни, а любовь вдруг раз — и проходит. С гормонами все в порядке, а с любовью плохо. Значит, тайна здесь в другом. И надо искать причины, почему любовь у нас не получается. Конечно, односторонне это трудно, разумеется, здесь нужно быть вдвоем. Но здесь есть одна важная вещь. Человек по природе эгоистичен, и Бог создал любовь как первое и сильное естественное лекарство против эгоцентризма. Когда человек перестает считать свое «я» единственной абсолютной точкой мироздания и когда он находит эту точку в другом «я» — здесь начало этого чуда и этой тайны.

Таким образом, мы видим, что система церковных таинств обнимает жизнь во всех ее проявлениях: и связь с природой, и пищу, и любовь, и, соответственно, труд — раз природа, виноградная лоза и зерно — вино и хлеб, это же труд. Хлеб ведь не растет просто так, и вино тоже не бьет из ключа. Это результат человеческого труда. Все здесь соединено: община, братство, взаимопомощь, Церковь. Поэтому когда мы говорим: *Исповедую едино крещение во оставление грехов*, то при этом вспоминаем и о прочих шести таинствах, которые составляют вместе с крещением единую жизнь Церкви, единую тайну, в которую мы можем войти и в ней пребывать.

Ну, а в следующий раз мы будем говорить о заключительных словах: *Чаю воскресения мертвых и жизни будущего века*.

Беседа седьмая

Чаю воскресения мертвых — надеюсь на воскресение мертвых и жизнь будущего века. Иногда думают, что речь идет о бессмертии души. Но это не так. Человек задолго до христианства имел представление о том, что смерть — не конец всего.

В древних захоронениях людей, в каменном веке, мы находим следы того, что человек знал истину — «Весь я не умру»... Древний египтянин, который был куда цивилизованнее, чем люди каменного века, который знал уже и астрономию, и основы математики, и архитектуру, человек, принадлежавший к великой цивилизации, создавшей пирамиды, храмы, фантастические лабиринты, секрет которых до сих пор до конца не разгадан, никогда, ни на мгновение не сомневался в том, что у человека есть бессмертная часть. Вы можете подумать, что речь идет о некоем утешении, к которому стремится человек. Но на самом деле это не так. Иногда посмертное бытие представлялось как ущербное, темное, полусознательное, страшное. Вероятно, опыт людей, встречавшихся с какими-то таинственными феноменами, с какими-то знаками присутствия духа умершего, и рождал те страшные сказания, которые мы читаем в «Одиссее» Гомера, в «Гильгамеше» у древних вавилонян. Мрачный мир призраков обитает в этих сферах.

Так же думали и греки в течение долгого времени. Но когда у них появилась философия, философы впервые поставили этот вопрос на уровень профессионального и серьезного обсуждения. Они поставили вопрос так: если мир состоит из неких частей, как говорили древние греки, *атомов*, то является ли душа человека, мысль человека чем-то, состоящим из атомов? Это предположение выдвинули древние материалисты в лице Демокрита и его последователей. Но взгляд их не был принят большинством философов, потому что они прекрасно понимали, что распасться может только агрегат, который состоит из каких-то частей. Распад неизбежно требует движения. А может ли двигаться дух? Если предмет движется, то он сначала находится в этой части пространства, потом в той и так далее. Сознание человека не находится ни в какой точке пространства, в ней могут находиться лишь органы, которые мышление использует. Но само оно обладает способностью быть непространственным, нефизическим, нематериальным. А следовательно, раз оно не находится в пространстве, оно неподвижно, а раз оно не может двигаться, значит, оно не может распадаться. Его бытие совершенно особенное. Во всем известном нам мироздании ничего подобного не существует. А человеку сегодня известно уже очень многое. Все, что открывается сегодня наукой, показывает, что любое природное явление может быть измерено, либо взвешено, либо увидено глазами или прибором. Оно обладает такими свойствами, которые позволяют его фиксировать. Например, даже если мы не видим полет элементарной частицы, мы видим след, который она оставляет. Между тем, во всем мире только сознание, только «я», только дух не оставляет следов, не улавливается никаким прибором или аппаратом. Иногда говорят, что излучение, открытие биотоков мозга как раз и есть след нашего мышления. Но должен вам сказать, что любая ткань в той или иной степени имеет биотоки, и мы можем найти их и в лапке лягушки. Биотоки сопровождают физическую и физиологическую жизнь клеток мозга, а не являются мышлением.

Таким образом, мышление есть чудо, в том хотя бы смысле, что мы можем удивляться ему, поскольку оно полностью иноприродно всему остальному. И если все в мире разрушимо и преходяще, то мышление, «я», дух, личность — этот центр неразрушим и непреходящ. Это вовсе не значит, что жизнь нашего «я» все время однородна, что там нет возрастания, углубления каких-то возможностей. Напротив, если растение живое, оно вырастает из маленького семечка, если дух человека посеять, из него может вырасти что-то, а может не вырасти. Таким образом, человек уже в древности пришел к мысли, что судьба нашего сознания находится в прямой зависимости от того, что происходило с ним на протяжении земной жизни. Наше тело — это орган мышления, инструмент духа, рука, глаз действующего «я».

Подобно тому, как локатор улавливает вибрации Вселенной, тончайшая, до сих пор неизученная структура мозга становится носителем духа. Подобно тому как глаз улавливает свет, собирает его в себе, наша центральная нервная система аккумулирует в себе духовное начало.

Человек видел, что умерший молчит, его глаза закрыты, он отрезан от бытия. Но у древних хватало логики, чтобы понять простую вещь: если в соседнюю комнату вход замурован и мы не можем общаться с тем, кто там находится, если стена достаточно толстая, чтобы даже стук туда не дошел, — это вовсе не значит, что за этой стеной уже ничего и никого нет. Если прервался наш контакт с умершим, если его тело перестало ему служить, он не может нам передать своего сигнала о своем «я» с помощью своего тела, то это не значит, что душа его испарилась.

Я всегда в этом случае вспоминаю: в юности меня поразило одно выражение французского писателя Мопассана в его рассказе о женщине, которая погубила себя. Там сказано, что она упала, бросилась в колодец, а душа ее — то, что называлось ее душой, — угасла на дне колодца. Это звучало очень мрачно: «угасла». Но тогда же я (все-таки я был школьник, когда читал эту новеллу) уже понимал, что «угасание» — это не аннигиляция, это процесс перехода из одного состояния в другое, и если было столь мощное явление, как душа, как сознание, как «я» в человеке, оно не может аннигилировать, оно переходит в другую форму существования.

Самое высокое из созданий Творца, которое мы только имеем в мире, — это личность. Все стихии безличны. В животных проявляются первые зачатки индивидуальности. Но творящая личность — только человек. Об этом говорил Паскаль в своей бессмертной книге «Мысли». Обязательно посмотрите эту книгу. Она легко читается, потому что это афоризмы. И мы не знаем ответ на вопрос: откуда это чудо? Можно понять, откуда наша способность дышать. Спросите у биолога, и он вам расскажет, как процесс усвоения кислорода начался у первых животных, и мы их наследники. Мы знаем, почему мы поддерживаем свою жизнь с помощью пищи. Эти энергетические процессы совершенно ясны химику, физику, физиологу, биологу. Мы знаем, откуда все в нашей телесной жизни. Только не знаем, откуда появилось духовное «я», творящее, мыслящее, выбирающее между добром и злом, меняющее облик планеты.

Священное Писание открывает нам эту тайну. Оно говорит, что человек в его духовности создан по образу и подобию Самого Творца. Вот где отгадка. Вот почему мы иноприродны. Вот почему человек, который дышит, ест, пьет, размножается, как любое другое существо, качественно отличается, духовно отличается от всей природы. Потому что он отражает в себе всю созданную Богом Вселенную: царство минералов — элементы таблицы Менделеева, царство растений — ведь каждая клетка нашего тела повторяет модель клетки любого растения, царство животных...

Но дух наш — гость в этом мире. И не просто гость: перед ним поставлена определенная задача возрастания. Дух, учащийся *здесь*. Он соединен с материальными силами не благодаря парадоксальной прихоти; это происходит, потому что для изменения бытия вещественное, материальное, стихийное соединились через человека с духовным, чтобы духовная сила пронизала все материальное бытие. Одухотворение Вселенной, созданной Богом, — вот высочайшая цель, которая здесь задана. И человек был пущен в мироздание с этой целью. Но он еще эту цель не осуществил и очень мало в этом участвует. Вот одна из разгадок того, почему врачи, физиологи, ученые говорят вам: человек не использует своих возможностей на тысячную долю. Правильно, потому что в нас заложено бесконечно много. На самом деле эта неудача человека не является неудачей, потому что, когда люди умирают телесно, продолжается работа всего человечества. Вот образ для вас: текут реки, моря, поднимается утренний пар, и вот земная вода в виде пара восходит вверх, белые облака уже кружатся над землей. Какое огромное значение имеют облака для жизни! Они несут в себе живительную влагу в те пустынные места, над которыми раскинулось лишь беспощадное голубое чистое небо, в те пустынные места, где так мало жизни. История духа имеет свои живительные облака — потоки душ, восходящих вверх, то есть вверх не в пространстве, а в ином измерении; эти облака — бессмертная сокровищница человеческих душ. Мы называем это высшим измерением жизни, иные называют его потусторонним, посмертным бытием, в котором тоже есть развитие, движение, жизнь, но иная жизнь. То, о чем я говорю теперь, является общечеловеческим представлением, понятием, которое разделяют люди от одного океана до другого. И те, кто сознательно пытаются убедить себя и других, что личность самосознающую ожидает впереди небытие, все равно в глубине своего существа не верят в свое полное уничтожение. Такой глубокий наблюдатель человеческой психики, как Зигмунд Фрейд, писал, что в

действительности никто в свою смерть, то есть уничтожение, аннигиляцию, не верит в глубине своего существа.

Но христианство говорит нам о чем-то большем. Оно говорит нам не просто о естественном бессмертии каждого человеческого «я» в ином измерении, а о новом этапе космической эволюции — о жизни будущего века. В оригинале, по-гречески, здесь стоит слово *эон;* оно означает ровное протяжение во времени, которое почти выходит за пределы истории. грядущий *эон*, жизнь грядущего *эона*. Это уже взгляд в отдаленное вселенское будущее, взгляд, который проникает за завесу того, что может сегодня представить ограниченный человеческий рассудок. Это не просто естественное бессмертие души, вернее, духа. Здесь я сразу должен оговориться. Речь идет всегда о духе, потому что душа — это психика, которая есть и у животных, и, по-своему, у растений, реакция организма на окружающую среду. Дух — это то, что творит, то, что является неповторимым, личностным, обладающим свободой. Все религии и философии, так или иначе, говорят о бессмертии духа, а христианство открывает нам эту сверхъестественную истину — *чаю воскресения мертвых и жизни будущего века*.

Это упование и эта вера родились не на пустом месте, а родились они в таинствах Пасхи Нового Завета, когда Иисус Христос победил смерть.

Мы говорим о людях, оставивших нам великие произведения искусства, литературы, науки, как о по-своему бессмертных. Поэтому и Пушкин пишет: «Весь я не умру, душа в заветной лире мой прах переживет». Но все это временно, нет бесконечной памяти у человечества. Вечной остается жизнь, погибают отдельные организмы. Но для человека, для его сферы, то есть для сферы духа, важен каждый человек, каждая личность. И когда Христос явился перед учениками, это не была память о Нем. Такая память была о пророке Исайе, о великих учителях человечества, о великих философах. Христос вовсе не жил в памяти, Он явился им Живой. Вот что было важно. Бессмертие в легендах и памяти было у Моисея, но никто не говорил, что он явился живым. Наконец, бессмертны в памяти наши великие христианские святые, и многие из нас видели их во сне, имели с ними внутренний контакт, но все-таки мы знаем, что они умерли и гробницы их и мощи их — явное об этом свидетельство.

Христос не «ожил», а изменился. Поэтому святой апостол Павел говорит, что «мы все изменимся». Это трансформация, мутация, новая ступень эволюции, но не для тех, кто придет только после нас, а мы уже не нужны будем, а для всех душ, которые когда-либо были созданы в мире. «Мы все изменимся», — говорит апостол. И тогда нам вновь будет возвращено телесное бытие. То телесное бытие, которое открылось ученикам в явлении Воскресшего. Апостол Павел говорит: «Есть тело душевное, а есть тело духовное». Тело духовное — некое иное тело, которое не подвержено в такой степени жестким, неумолимым законам мертвой и живой природы, тело, которое подчиняется духу, поэтому не знает ни старости, ни усталости. Опыт учеников, видевших Воскресшего, был особенным. Это не было смутное видение. Он пришел к ним и сел за стол, и показал им знаки на своих руках, и ел с ними. Но никому из них не пришло в голову, что Он, может быть, очнулся, ожил, — потому что лицо Его изменилось. Они узнавали Его не сразу, потому что Он не входил к ним в двери, а появлялся сразу в комнате; для Него не существовало более тех преград, которые существовали прежде. И поэтому Он сказал: «Дана Мне всякая власть на небе и на земле». Он стал иным, и апостол Павел продолжил Его мысль. Он учит нас, что Христос в этом отношении явился «первенцем» — первенцем не как Богочеловек, а как человек, обретший новую жизнь. Он первый обрел духовное тело, первый вошел в вечность в духовно-душевно-телесном единстве личности. Это и есть то, чего чает христианство.

Чаю воскресения мертвых и жизни будущего века. Смерть побеждается, небытие и грех побеждаются, наша душа, скомканная, маленькая и жалкая, вырывается на колоссальную свободу. И между нею в ее нынешнем состоянии и тем огромным развертыванием, которое ее ожидает, такая же гигантская дистанция, как между молчаливым эмбрионом в утробе матери и гением, скажем, Леонардо да Винчи или Эйнштейном, который из этого эмбриона родился.